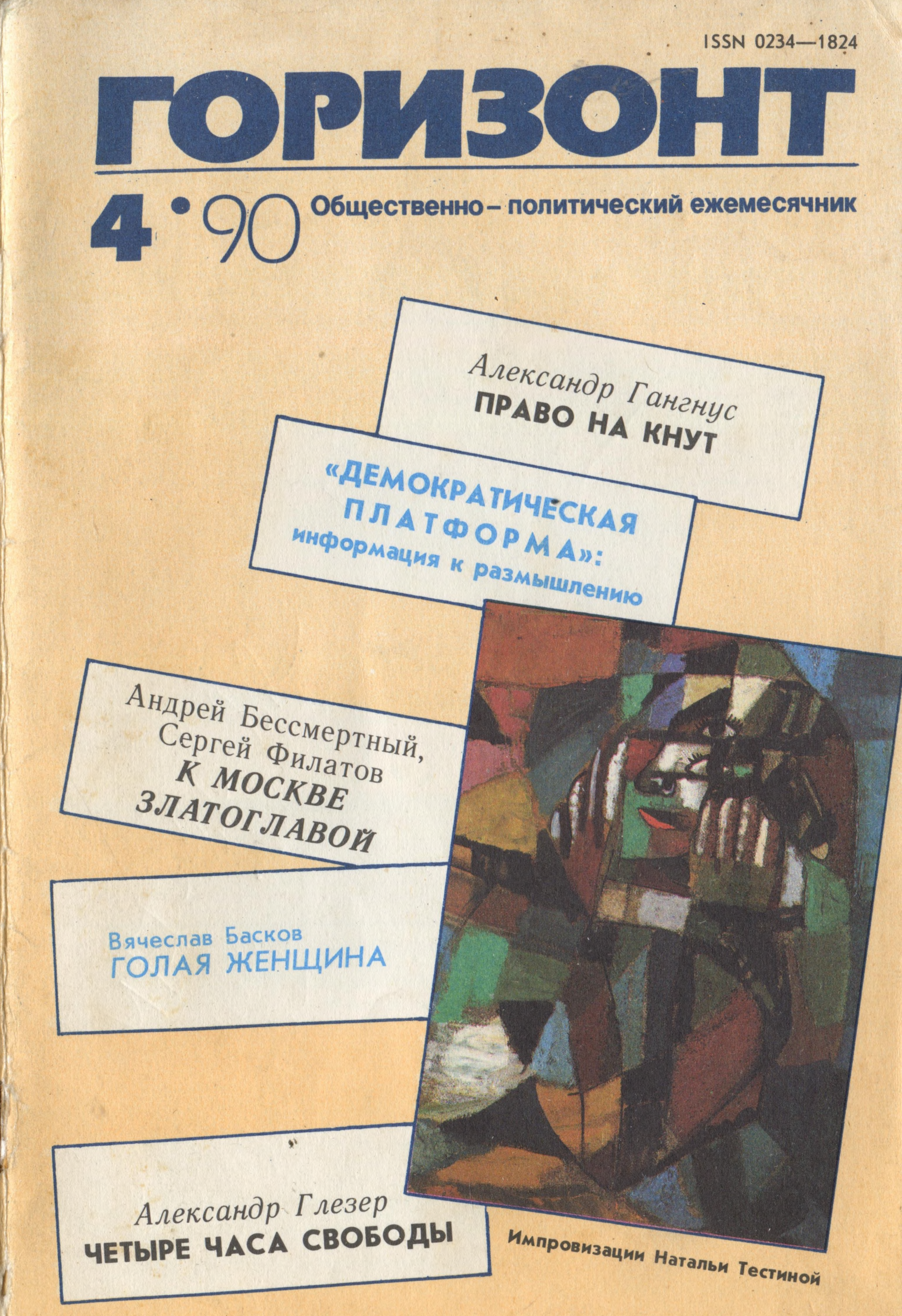
Цена 15 коп. Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали. **8.** Индийский актер и кинорежиссер. **9.** Романс А. Алябьева. **10.** Картина М. Врубеля. **13.** Многогранник. **14.** Персонаж пьесы А. Чехова «Вишневый сад». **15.** Убеждения, взгляды. **16.** Русский живописец, передвижник. **17.** Наложение краски коротким, отрывистым движением кисти. **22.** Часть водоема, вдающаяся в сушу. **24.** Род рыб семейства карповых. **25.** Нижняя точка пересечения отвесной линии с небесной сферой. **26.** Русский композитор, автор оперы «Дубровский». **27.** Шахматный ход. **29.** Шахматная фигура. **31.** Единица массы. **32.** Кинокомедия с участием Л. Куравлева и Е. Леонова. **36.** Литературный жанр. **37.** Сок хвойных деревьев. **39.** Роман Т. Драйзера. **42.** Здание, сооружение. **43.** Мясное блюдо. **44.** Спортивная игра. **45.** Южный плод. **46.** Небольшое судно.

По вертикали. **1.** Французский живописец XVIII в. **2.** Советский композитор. **3.** Украинский народный танец. **4.** Систематизированное собрание однородных предметов. **5.** Крупнейший в мире зимний спортивный комплекс. **6.** Русская актриса, выступавшая на сцене Малого театра. **7.** Цикл стихов А. Блока. **11.** Персонаж древнегреческой мифологии. **12.** Провинция в Италии. **18.** Английский физик, создатель учения об электромагнитном поле. **19.** Редкая вещь, диковина. **20.** Небольшая певчая птица. **21.** Высокий детский голос. **23.** Прозрачная ткань, прикрепляемая к женской шляпке. **25.** Опера В. Беллини. **28.** Составная часть военного искусства. **30.** Медицинский журнал. **33.** Газетно-журнальный жанр. **34.** Персонаж оперы М. Глинки «Руслан и Людмила». **35.** Показ художественной самодеятельности. **38.** Покатый спуск. **39.** Звуковая окраска голоса, музыкального инструмента. **40.** Узбекский поэт, мыслитель, государственный деятель. **41.** Знак препинания.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42.

Плакат Юрия Леонова

...Нам предстоит громаднейшая работа и потребуется приложить труда много больше, чем требовалось до сих пор.

В. И. Ленин

4 (473) • 90 | **ГОРИЗОНТ**

Общественно-политический ежемесячник

Сдано в набор 28.02.90. Подписано к печати 29.03.90. Л22066. Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 6,21. Тираж 100 000 экз. Заказ 656. Цена 15 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г 0302020800—21 / М172(03)—90 Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

На вкладках, художник Наталья Тестина. Ответы на кроссворд, помещенный в № 3, см. на с. 48

Александр ГАНГНУС

ПРАВО НА КНУТ

Из цикла «Письма из глубинки»

Начну с воспоминания. Где-то в начале бесконечного 1989 года моего приятеля Анатолия Стреляного, избранного согласно закону о соцпредприятии директором издательства «Советский писатель», провалили по старым, доперестроечным правилам на пленуме Правления СП СССР. Делалось это так. Кучка тридцати-сорокалетних примерно, бородатых клакеров, захлопывавшая (при полной поддержке председательствующего Владимира Карпова) всех, кто пытался сказать что-нибудь неотрицательное о будущем лауреате госпремии, в решительный момент вытолкнула на сцену толстую краснолицую особу, назвавшуюся Екатериной Марковой. Сначала она передала в президиум букет роз для Юрия Бондарева, а потом из ее уст мы услышали эпохальное, я считаю, определение вредительской сущности моего приятеля:

— Анатолий Стреляный продал Родину коммерции.

В данном случае дело не в том, за что Анатолий Иванович получил это удивительное обвинительное заключение (именно за то, кстати, за что он получил через полгода Государственную премию). Сейчас интереснее другое: ненависть к коммерции, то есть к свободной экономической деятельности, единственно способной вытащить нашу страну из неслыханного экономического кризиса, все более становится неотъемлемой составной частью нынешнего варианта русско-советского красно-квасного ретроградного патриотизма.

По логике вещей это — правильно. Свободная экономическая деятельность людей подразумевает фактическое отсутствие национальных, региональных перегородок, общий европейский, мировой рынок, где господствует ненавистный ксенофобам западный либеральный дух.

Они — за экономику без выгоды и расчета, за «экономику совести», за «экономику сердца», русского, естественно, сердца. Капитализм для них по-прежнему хапуга и эгоист, ведущий мир к гибели, спасение — в особливом русском национальном социализме, который немного поошибался, не без того,— из-за недостаточной русскости, главным образом,— но теперь-то уже все сделает путем.

Нет, они не перечеркивают Запад полностью. Они даже как бы жалеют его за чрезмерную зажиточность и отсутствие очередей — то есть материальных затруднений, ведь ясно же, раз у человека все есть, значит, и думать ему не о чем и незачем. И стало быть, с духовностью там, на Западе, очень напряженно, прямо-таки дефицит — и чем лучше живут, тем напряженней. Запад заслуживает снисхождения только потому, что неминуемо признает в будущем нас, Советскую Россию, своим авангардом и духовным руководителем, и это несмотря на то, что 70 лет мы вели всех, кто за нами шел, прямо в пропасть!

Все это — не бред и не шарж, а беглый пересказ главных идей такого, скажем, рупора наших самобытчиков, как журнал «Наш современник». Минувшая осень зло посмеялась над идеей авангарда, над этим экономическим романтизмом. Чуть не все страны Восточной Европы, признававшие до сих пор нас своим авангардом, стоило нам замешкаться на пути экономических реформ, вежливо опередили нас и двинулись, не оглядываясь, вперед, тем более опережая, чем более «западной» становилась их перестроечная платформа. Сюда можно добавить даже и Китай — в области экономики он добился таких успехов, какие нам и не снились пока, в частности и из-за того, что Китай пошел на создание зон свободного бизнеса.

Но беда в том, что экономические романтики нисколько не смущены происходящим, они не замечают, когда действительность смеется над нами, ибо на то они и романтики, чтобы игнорировать действительность.

Теперь перенесемся в обещанную рубрикой глубинку — а именно в Новгород, где как раз и намечалась одна из первых наших долгожданных открытых зон.

Я попал с корабля на бал — на первое в истории Новгорода областное совещание деятелей культуры. О чем говорили? Конечно, о возмутительном, бедственном положении культуры в старейшем русском городе. Древние здания европейского, мирового уровня значимости продолжают разрушаться — впору вмешиваться ЮНЕСКО. Ремесла, народные промыслы — в загоне. Говорили о таких условиях оплаты, быта, что и повторять тяжело. Органы власти проявляют безразличие или неспособность решать вопросы. Художник из Валдая Владимир Ушанов, долго описывая беды свои и своих собратьев, остервенился и воскликнул напевно, по-былинному:

— И тянутся руки к топорам и понимаешь причину народных восстаний.

Зал в ответ засмеялся и захлопал.

Таких крайностей я больше на совещании не слышал, но в чем-то выступление художника оказалось типичным. В среднем все считали своим долгом грубить начальству (а оно сидело тут же в лице предоблисполкома Михаила Евгеньевича Семенова) и говорить ему «дай — дай — дай». На фоне общего экономического кризиса и явного финансового банкротства Советской власти это выглядело даже как-то и странно и бестактно, что ли. Удивляло в экономическом мировоззрении этого высшего, надо полагать, среза новгородского общества полное отсутствие какого бы то ни было плюрализма.

Известно, что кооперативы, эта первая у нас ласточка свободной, негосударственной, самодеятельной экономики, с охотой вкладывают средства в различные престижные, культурные программы. Разве этого нет в Новгороде? Есть! Но об этом здесь либо не говорят, либо говорят нехотя, вскользь, да еще с какой-то странной, лютой злобой.

Выступает журналист из «Новгородской правды» Сергей Брутман. Выступление, в общем, умное, я еще вернусь к нему. Но вот речь заходит о кооперативах. Цитирую: «Кооператоры пытаются заработать себе политический багаж, участвуют в благотворительности».

То есть, помогая детям, инвалидам, людям искусства, кооперативы осуществляют политический заговор! Что за логика?

Вот представитель общества охраны памятников обрушивается на киоски и магазины за то, что они продают кооперативный ширпотреб. Сразу за ним выступает главный идеолог области Евгений Спиридонович Быстров. Он собирается баллотироваться на выборах, очень хочет понравиться, ужасно радикален и резок:

— Ускорить положение дел! — вот его подлинные слова и уровень перестроечного мышления.— Давайте вынесем решение,— кует он железо, пока горячо,— чтобы киоски не принимали кооперативное дерьмо!

Взгляд у него тревожный и наглый, взгляд человека, готового на все. На сей раз реакция зала была вялой, и он сник. Сработала неприязнь к партийному начальству, а то бы еще и приняли решение...

Еще оратор, бледная измученная женщина, пытающаяся возродить народное ткачество, долго описывает свои мытарства, обзывает власть страшными словами, но искушение поступиться принципами и обратиться за поддержкой к кооперативам отвергает с порога.

— Я против кооперативов вообще,— говорит она.— А в частности в культуре кооперативам делать нечего.

Ей кажется, что все так просто! Достаточно власти, которая сейчас «относится к народным мастерам безнравственно», начать относиться нравственно — и все будет хорошо! И дальше опять: Советская власть, чтоб тебя, дай деньги, дай жилье, дай производственные помещения. И так здесь думают многие. А я-то наивно полагал, что «Наш современник» и его ведущий «экономический публицист» М. Антонов никого не представляют, а просто впустую сотрясают воздух!

Увы, тех, кто хочет наделить командно-административную экономику человеческим лицом — особенно на местах и особенно деятелей культуры, много больше, чем тех, кто понял: никакое человеческое по видимости лицо не изменит нечеловеческой сути этой экономики, повернутой против человека, даже когда она сама вроде бы хочет быть «за».

Кстати, послушаем ее не худшего, как мне показалось, представителя — Михаила Евгеньевича Семенова, главу местной Советской власти. Он ведь тоже ораторствовал на совещании.

Честно говоря, в какой-то момент я сыграл мысленно в игру типа «если бы начальником был я» и вообразил, что на месте Семенова, местного, так сказать, губернатора, я ответил бы этим людям, каждый из которых начинал и заканчивал словом «дай» и каждый считал своим долгом обругать начальство, причем не всегда по делу и почти всегда грубо по форме.

— Дорогие художники и поэты,— сказал бы я, губернатор,— стране трудно, всего не хватает, дайте нам сосредоточиться, ну, хоть на проблеме жилья или на создании свободной экономической зоны. Мы будем стараться обеспечивать вас заказами, но и вы не зевайте. Государство признает: зря мы за все брались отвечать. На дворе новые горизонты, мы вам разрешаем все, работайте по-новому. Сами организуйте кооперативы, обратитесь к кооперативам, зарубежным фирмам, совместным предприятиям, фондам, ищите альтернативное финансирование, мы поможем вам искать, поощрим налоговыми льготами меценатов.

К сожалению, долгая речь товарища Семенова была иной. Он препирался с залом на равных по форме (иногда все же призывая к культуре общения), но по сути стоял на той же позиции, что и все. Он прямо или косвенно брал на себя, то есть на Советскую власть, всю ответственность за все, самые мелкие неурядицы в экономике и культуре. Он шел на риск дальнейших оскорблений (и они воспоследовали!), лишь бы не признавать то, что для крупнейших экономистов мира было ясно давно, а для наших стало ясно недавно. Государство не может подменять собой всю экономическую (а значит, и культурную, в основе которой тоже экономика) самодеятельность общества. Это утопия и неминуемый крах. Михаил Евгеньевич мог ответить так, как моделировал для себя, губернатора, я, у него был «соответствующий материал» — вскользь прозвучало кое-что о кооперативе «Синдикат», который бодро взялся по госрасценкам реставрировать Иверский монастырь и достиг больших успехов. Но именно вскользь, ибо линия у власти в Новгороде сейчас явно иная. Новгородская открытая зона могла бы стремительно решить все экономические проблемы новгородской культуры. Но в речи председателя облисполкома об открытой зоне не было ни звука. И из зала никто не напомнил. Обе стороны играли в одну игру. И в этой игре не было места никаким новым экономическим веяниям. Будущая культурно-экономическая действительность планировалась такой, какой была вчерашняя и позавчерашняя культурно-экономическая действительность.

Есть государство, оно кормит и распределяет куски. Раньше это делалось тихо и благопристойно. Сейчас, в эпоху гласности, дозволяется лаять, рычать и прыгать, вырывая кусок и покусывая дающего. И в этом — вся перестройка?

В перерыве я подошел к Михаилу Евгеньевичу и прямо спросил его о судьбе новгородской открытой зоны:

— Говорят, она уже закрыта?

Ответ меня поразил:

— Нет! Мы разработали свою концепцию зоны и начнем в апреле ее осуществление,— буквально ответил мне Михаил Евгеньевич.— Приезжал Николай Иванович Рыжков, он — за.

Опять странность: я из двух неофициальных, но, как говорится, заслуживающих доверия источников слышал: Рыжков приезжал хоронить зону.

— Хоронили не зону,— поправляет меня Михаил Евгеньевич,— а незрелый скороспелый ее вариант, навязываемый Новгороду... торопливыми журналистами (!).

На другой день после окончания совещания работников культуры Новгородской области — 27 декабря 1989 года сразу две советские центральные газеты дали два совершенно противоположных толкования того, что произошло с идеей новгородской открытой зоны.

Газета «Правда» сообщает об открытии в Новгороде таможни ввиду усиления внешнеэкономической деятельности новгородских предприятий. Особенно подчеркивается роль этого нововведения для будущего — и дальше я узнал фразу Михаила Евгеньевича Семенова. Цитирую: «Сейчас закончена разработка концепции создания новгородской зоны свободного предпринимательства».

А вот что пишут в тот же самый день о том же самом «Известия». Заголовок: «Патриоты против здравого смысла». Подзаголовок: «Новгородские неформалы «закрыли» идею открытой зоны». Спецкор «Известий» Демченко хорошо и правильно разбирает смехотворность и наивность многих доводов лидеров новгородской общественности против зоны.

Но, во-первых, и здесь я увидел странную деформацию, зону топили не только и не столько неформалы, сколько вполне формальные организации, вроде местного отделения Союза писателей. И во-вторых, ну что за наивность — думать, будто все сделала общественность, а власть только подняла лапки кверху. Концепция подлинно открытой зоны сделала бы Новгородчину закрытой для экономического романтизма, для всевластия административно-командной системы. Незрелым общественным движением кто-то умело воспользовался, чтобы подменить подлинную открытую зону поддельной, удобной для бюрократии, оставляющей ее и при власти, и при выгодном гешефте. Где зона не совсем свободна, а свободна по усмотрению начальства, там для милой привычной коррупции места даже еще больше, чем при полностью несвобод-

ной. Ну а не даст такая зона результатов для всех — опять хорошо. Можно сказать: а мы что говорили? Этот капитализм только издали хорош. Опора на собственные силы — лозунг покойного ныне кондукатора Чаушеску — есть главный лозунг новгородских почвенников, бурно бранящихся с властью, которая быстро научилась потихоньку пользоваться этой бранью в своих целях.

Из новгородских писателей я интервьюировал на тему открытой зоны двоих — секретаря местной писательской организации Бориса Степановича Романова и старого знакомого Марка Леонидовича Кострова. Первый говорил, как «Правда»,— что зона будет и что он, Романов, лично разрабатывал ее концепцию. Второй честно сказал, что зоны в ее нормальном понимании не будет и что он, Костров, рад, ибо принял в потоплении идеи живейшее участие. Я знаю Кострова как искреннейшего человека. Он сказал, что зона принесет новгородцам СПИД, и пока средства от него нет, а презервативы и шприцы распределяются только по спецаптекам начальству, он — против зоны. То же он говорил и по радио, и в газетах, и всюду. Я знаю, он так и думает.

Он не понимает, что если бы открытая зона была настоящей, то есть закрытой для партийно-бюрократического диктата, то и спецаптек бы не было, а так как они с Романовым добились,— это как раз и есть осуществление его самых худших опасений: все родимые пятна сталинско-брежневского социализма остаются, а значит, и дефицит, и спецаптеки, при неизбежном все ж таки росте пусть и свободных, но реально возрастающих международных торговых контактов.

Мне могут сказать: ну что ты так переживаешь? Почему именно Новгород? Можно в другом месте зону сделать. Вон прибалты так и рвутся, пусть на себе первые испытают. А там уж и мы. «Лет через шесть»,— сказал Костров.

Да, верно, прибалты испытают — да там и останутся, в открытой зоне вместе с чехами, венграми, восточными немцами. И успехов им! И дело прежде всего не в Новгороде, а в том, что подмена настоящей зоны какой-то подделкой, разработанной Новгородским отделением Союза писателей (которое себе самого простого издательства сделать не может),— это удручающая модель всей нашей, так сказать, радикальной экономической реформы. Где они, самостоятельные предприятия, где свободный рынок сырья и техники, где хозяин на земле, в один год (как это случилось в Китае) способный полностью решить продовольственную проблему? От всего остается словесная шелуха, система не отдает ни пяди там, где речь идет об ее истинной экономической и политической власти. И мы сами даем сбить себя с толку, путаемся в частностях, даем натравить себя то на кооператоров, то на какой-нибудь народ, якобы во всем виноватый. Нам подсовывают образ врага, который «продал Родину коммерции», образ западника-либерала, который хочет сделать великую самобытную Россию сырьевым придатком международных монополий.

Все здесь — обман. И величайшая, уникальная в истории все удушающая империалистическая монополия — это наша административно-утопическая экономика, действующая, по В. И. Ленину, «как одно большое предприятие». И сырьевым придатком к самоедской этой экономике сделала Россию ее чудовищная отсталость от Запада, железный экономический занавес между ней и западным миром — и не западный мир повинен в этом занавесе. И истинному либерализму, этой идее свободы в ее наиболее последовательном выражении, нет никакой настоящей альтернативы, кроме несвободы, то есть рабства, тоталитаризма — экономического, культурного, политического.

Но дело еще и в Новгороде, где я и жил и работал, который мне не чужой. Да и как может быть чужим город, в котором и варяжская и русская моя половинка находят столько пищи для раздумий и чувств, который всякий раз омывает бесконечно родной своей архитектурой, как музыкой, душу, из которого всегда возвращаешься просветленным и укрепленным, насколько это возможно, для дальнейшего довольно-таки все же странного в нашей стране существования. Писатели Новгорода, задающие тон в собраниях новгородской общественности, думают, что, превращаясь в филиал московских и ленинградских почвенников, поддерживая кампании «Нашего современника», «Молодой гвардии», «Литературной России» против коммерции, либерализма, инородцев, они возвращаются к древнему русскому, новгородскому истоку, понимая этот исток по-своему —без всякого плюрализма, в духе великодержавной шовинистской ханско-московитской идеи государства — властителя душ, тел и дел всех его подданных. Они скрипят сапогами и алеют атласными рубахами навыпуск, думая, что это традиции Великого Новгорода.

А ведь история России могла быть иной, если бы в ней победила европейская, торгово-либеральная, с зародышем собственного парламентаризма новгородская идея, а не азиатская московская.

Новгород был великим торговым государством поголовно грамотных людей, равноправным партнером в ожерелье ганзейских городов, открытой экономической зоной средневековья, чем и вызывал постоянную зависть и ненависть — холопью и ханско-княжескую — со стороны идеологически и политически агрессивной Москвы. Победила Москва, что стало величайшим несчастьем для Новгорода, Москвы и для всей России. Свобода, здравый смысл, европеизм, веротерпимость высочайшей своеобразной культуры уступили место насилию, доносу, сыску, догматическому малограмотному византийству, полувоенному укладу жизни, рабству, своеобразному равенству всех перед кнутом всесильного государства.

И здесь я снова вернусь к выступлению новгородского журналиста Сергея Брутмана, который сказал, что иногда ему кажется, что мы боремся не столько против кнута, сколько за обладание кнутом. Я уже говорил, что он тут же своим примером подтвердил правильность своего предположения — сам поучаствовал-таки в травле кооператоров.

...Писатели-почвенники Москвы, Новгорода, Ленинграда рвутся к лимитам на бумагу, местам в журналах и издательских планах, апеллируя к государству, не желая доверить право окончательного набора своему потребителю — читателю. И нередко говорят о любви и совести, имея в виду зависть и ненависть, борясь за кнут, готовый выпасть из рук ослабевшей власти.

Все очень грустно и тревожно. И все же я надеюсь: новгородцы вспомнят о своем настоящем, а не выдуманном почвенниками московско-имперской выучки прошлом. Я надеюсь, что нам всем в наступившем году надоест ждать милостей от государства и говорить «дай, дай». Если бы оно и хотело дать — нет у него этого! Единственное, что оно может и должно дать,— это основные законы о земле и собственности и о правах граждан самим устраивать свою судьбу.

Сказанное относится и к забастовщикам, шахтерам, которые, по слухам, ничего не получили и ждут весны для продолжения борьбы.

Новгород — Москва, декабрь 1989

P. S. Не скрою, одно время я питал иллюзии относительно добрых, как я думал, в основе намерений московских деревенщиков-почвенников. Меня смущали их все более имперские, националистские настроения, и однажды в качестве пробного шара я развил перед одним из них изложенные выше мысли — насчет несостоявшегося новгородско-демократического пути русской государственности. Не примирит ли всех нас эта историческая платформа, не соберет ли под одной крышей российский патриотизм и российский европеизм?

Деревенщик, уважаемый мной тогда, маститый, немолодой уже писатель, почесал в затылке и вроде бы согласился, сказал что-то о соборности, добавил даже пару штрихов в мою модель. Я уже было порадовался. Но вдруг я поймал на себе острый и какой-то хитрый взгляд обычно добродушного метра.

— Но вообще,— вдруг добавил он,— есть свидетельства, московиты вообще не считали Новгород Русью. Новгородцы были маленькие, черные и злые!

И почвенник юркнул в толпу прочих письменников, не дожидаясь, когда я приду в себя от изумления и разочарования.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

«ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА»: ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

В прошлом году «Горизонт» познакомил читателей с документами московского партийного клуба «Коммунисты за перестройку» и Московской межклубной партийной организации.

В последние месяцы самодеятельные, внеуставные организации коммунистов образовались во многих городах страны, что позволило 20—21 января 1990 года провести Всесоюзную конференцию партклубов и парторганизаций. В центре внимания коммунистов, собравшихся тогда в Москве, было обсуждение положения в партии и принятие «Демократической платформы к XXVIII съезду КПСС».

Такое же название, «Демократическая платформа», получило и сформировавшееся на конференции объединение коммунистов. В принятом делегатами Положении о Демократической платформе говорится, что это — «движение коммунистов внутри КПСС, озабоченных кризисным положением в партии и выступающих за ее решительную реформу в направлении современной демократической, парламентской партии, действующей в условиях многопартийной системы. Сторонники платформы последовательно выступают в поддержку кардинальной перестройки в стране на принципах демократического социализма».

Это, безусловно, принципиально новое явление в нашей партии — всесоюзная структура, течение, к которому можно поразному относиться, но не замечать которое уже нельзя.

На февральском (1990 г.) Пленуме ЦК и состоявшемся вскоре после него пленуме МГК КПСС «Демократическая платформа» упоминалась в очень многих выступлениях, хотя ей и давались различные оценки.

Письма и звонки в редакцию свидетельствуют о значительном интересе наших читателей как к «Платформе ЦК КПСС к XXVIII съезду партии, так и к «Демократической платформе», которую мы предлагаем вашему вниманию.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА К XXVIII СЪЕЗДУ КПСС

I. Кризис в обществе и партии

Мы, коммунисты 162 партклубов и парторганизаций из 102 городов и 13 союзных республик страны, объединившиеся на демократической платформе, активно поддерживаем начатые в нашей стране по инициативе прогрессивных сил партии радикальные изменения во всех сферах общественной жизни.

Вместе с тем нас серьезно беспокоят судьбы перестройки в связи с кризисным положением как общества в целом, так и самой партии.

Уходящий корнями в историю, кризис захватывает все новые сферы жизни общества. Реформы повисают в воздухе. Растет инфляция. Несмотря на предпринимаемые меры, ухудшается продовольственное снабжение населения. Постоянно увеличивается номенклатура дефицитных товаров. Угрожающий характер принимает аварийность крупномасштабных технологических систем.

Все более нарастает напряженность в межнациональных отношениях. Во многих регионах страны сложилась бедственная экологическая обстановка. Растет преступность, особенно организованная.

Крайне непоследовательно проводятся политическая и правовая реформы, передача реальной власти из рук партийного аппарата Советам, создание правовых гарантий гласности и социалистических ценностей.

Все это усиливает недовольство масс, ведет к падению авторитета руководства, порождает рост социальной напряженности и политической нестабильности в обществе.

Основную ответственность за дальнейшее углубление кризиса, подводящего общество к опасной черте, несет правящая партия. КПСС в современных условиях сама переживает кризис, который охватывает все стороны жизнедеятельности партии: идеологическую, политическую, организационную, моральную.

Исходным является КРИЗИС КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ, и прежде всего той ее модификации, которой КПСС руководствовалась многие десятилетия. В современных условиях в свете нового политического мышления очевидна несостоятельность, аморальность многих средств и методов, с помощью которых достигались провозглашаемые цели, несоизмеримость цены с имеющимися результатами «реального социализма». Нуждаются в коренном пересмотре догматические представления об исторической миссии рабочего класса; о диктатуре пролетариата; о неизбежности и необходимости социалистических революций; о безрыночном социализме; о возможности народовластия без политического плюрализма; о закономерном возрастании руководящей роли правящих коммунистических партий; о верховенстве общественных интересов над личными, интернациональных над национальными. На сегодняшний день сделаны лишь первые шаги на пути к обновлению теоретического багажа партии, причем процесс осмысления КПСС реальных процессов перестройки, осуществляемой во многом старыми, недемократическими методами, все более запаздывает, отставая от общественных потребностей и создавая идеологический вакуум в обществе.

Важнейшим проявлением кризиса является усиливающееся идейно-политическое размежевание внутри партии. В настоящее время в недрах КПСС сформировались и сосуществуют друг с другом следующие основные течения:

1. Консервативно-сталинистское, ратующее за косметический ремонт партийных структур, выступающее против любых серьезных изменений как в партии, так и в обществе.

2. Умеренно-реформаторское (центристское), выступающее за частичные преобразования, позволяющие перейти от прямой, откровенной партократии к косвенному властвованию КПСС в рамках однопартийной системы.

3. Радикально-реформаторское, борющееся за коренную реформу КПСС в направлении современной демократической партии парламентского типа, действующей в условиях многопартийной системы.

Сокрытие существующих принципиальных разногласий, подавление инакомыслия в партии организационными мерами, стремление сохранить мифическое единство любой ценой ведут к дальнейшему углублению идейного кризиса в КПСС, ослаблению идейно-политического влияния партии в массах.

Кризис идеологии неразрывно связан с ПОЛИТИЧЕСКИМ КРИЗИСОМ ПАРТИИ, всего общества. Став общегосударственной, безраздельно господствующей, нынешняя идеологическая система целые десятилетия определяла пути общественного развития, приведя страну к государственному, тоталитарному социализму. Поэтому было бы неверно видеть кризис КПСС только как проявление современных противоречий в ее развитии. Его истоки уходят во времена становления тоталитарной системы власти в нашей стране, срастания партии и государства, превращения КПСС в ядро этой системы, обладающей монополией на собственность, власть, идеологию... КПСС уже многие годы не является политической партией в собственном смысле слова, как общественное движение, массовая демократическая организация.

Сегодня, когда налицо кризис тоталитарной системы, всей предшествующей модели нашего развития, становится все более очевидным полное несоответствие неосталинистской, антидемократической модели партии, ее места и роли в политической системе современным процессам общественного развития. У прогрессивных слоев партии хватило здоровых сил повернуть руль руководства и начать перестройку, но партия не может в своем нынешнем состоянии справиться с выпавшей на ее долю задачей — довести перестроечные процессы до логического завершения. Дав импульс экономической и политической реформе, КПСС в то же время не пошла на коренной пересмотр своей роли в обществе, на собственную демократическую реформу, все более отставая от позитивных общественных процессов и превращаясь в основной тормоз перестройки. Дальнейшее сохранение монопольного положения партии, а точнее, партийно-государственного аппарата в обществе, является крайне опасным не только для общества, но и для самой партии, ибо ведет к ее деградации, потере авторитета и влияния в массах.

Серьезное отставание демократизации партии от демократизации в обществе отчетливо проявилось во время весенних выборов народных депутатов, работы I Съезда Советов, сессии Верховного Совета страны.

Выборы выявили как растущее недоверие избирателей к партийно-государственному аппарату, кандидатам от номенклатурной системы, так и широкую поддержку народом независимых, демократически настроенных кандидатов, в том числе и коммунистов.

Работа сессии и Съезда наглядно продемонстрировала, что власть по-прежнему остается в руках аппарата, что Политбюро, ЦК не собираются пересматривать свои функции. Миллионы советских людей убедились в том, что, не изменив положение партии в обществе, не перестроив на демократической основе саму КПСС, нельзя обеспечить передачу всей полноты власти в руки Советов и тем самым проведения коренной перестройки в обществе.

Но особенно остро это стратегическое отставание КПСС дало себя знать во время летней забастовки шахтеров, когда местные власти и центральный аппарат оказались совершенно не готовы управлять ситуацией, когда в ряде регионов сложилось фактическое двоевластие, при котором реальной властью стали забастовочные комитеты, а партийно-государственные структуры обладали ею только номинально. Повсеместные перевыборы администрации, профкомов, партийных комитетов, требования созыва внеочередных партийных форумов — серьезнейшее предостережение правящей партии.

Дальнейшее углубление тенденции к отставанию может привести к поражению партии на выборах в республиканские и местные органы власти, последствия которого для КПСС будут катастрофическими.

С идеологическим и политическим неразрывно связан и ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС ПАРТИИ. Нынешние партийные структуры, начавшие складываться в начале века и окончательно закостеневшие в 30—40-е годы, были предназначены для завоевания и удерживания власти, служили обеспечению монолитного единства «ордена меченосцев», подавлению всякого демократизма, плюрализма и инакомыслия в партии, приспособлению партийного аппарата для непосредственного управления экономикой и культурой.

Сверхцентрализованная, антидемократическая, строго иерархическая структура партии тоталитарного, неосталинистского типа пришла в прямое противоречие с интересами миллионов рядовых коммунистов, потребностями перестройки, ценностями демократического социализма.

Главным цементирующим звеном недемократического характера как самой партии, так и всей политической системы является принцип демократического централизма.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ:

а) не обеспечивает подлинного плюрализма мнений в партии и возможности при помощи организационных средств отстаивать эти мнения, критиковать принятые решения;

б) не обеспечивает защиту прав меньшинства, зачастую генерирующего новаторские идеи, и тем самым обрекает партию на постоянный застой;

в) не дает права принимать решения тем, кого они непосредственно касаются, предписывая обязательность по всем вопросам подчинения нижестоящих организаций вышестоящим;

г) запрещает создание в партии связей по горизонтали, в результате чего партийный аппарат становится всемогущим и бесконтрольным, способным манипулировать мнением как отдельных коммунистов, так и целых парторганизаций;

д) диктует железную исполнительскую дисциплину, исключающую творческое начало и активность снизу, ведя тем самым к нивелированию партийных рядов, превращению коммунистов в придаток партаппарата;

е) не позволяет членам КПСС, избранным народными депутатами, выражать волю своих избирателей, а не вышестоящих партийных органов.

Вторым важным источником недемократического характера партии является номенклатурная система подбора и расстановки кадров для всех и вся, приведшая к «партизации» всех руководящих должностей, образованию партийно-государственной элиты, имеющей свои собственные корпоративные интересы, развращенной безответственностью, об-

росшей привилегиями, погрязшей в коррупции и протекционизме, злоупотребляющей властью, часть которой тесно связана с теневой экономикой и организованной преступностью.

Налицо МОРАЛЬНЫЙ КРИЗИС ПАРТИИ, вызывающий, в свою очередь, КРИЗИС доверия со стороны населения, да и рядовых коммунистов, к руководящим партийным работникам и всей партии. Симптомами прогрессирующей болезни являются процессы сокращения числа желающих вступить в партию, увеличение выходящих из партии, уменьшение количества подписчиков на партийную печать.

Все эти проявления общепартийного кризиса свидетельствуют о том, что старая модель партии больше не работает. Более того, как показал опыт нескольких лет перестройки в нашей стране и ряде других стран Восточной Европы, она не самореформируется сверху. Поэтому на современном этапе необходимы не улучшение и совершенствование существующих партийных структур и отношений, а КОРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА ПАРТИИ, ПРЕДПОЛАГАЮЩАЯ ПЕРЕХОД ОТ ТОТАЛИТАРНОЙ МОДЕЛИ ПАРТИИ К СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПАРТИИ ПАРЛАМЕНТСКОГО ТИПА В РАМКАХ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ.

ДОБИВАТЬСЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПРОВЕДЕНИЯ ЭТОЙ РЕФОРМЫ СНИЗУ, В ЕЕ РАДИКАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ — СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ, ВСЕХ ПЕРЕДОВЫХ СИЛ ПАРТИИ.

II. Коренная реформа КПСС

В современных условиях первоочередной задачей является разработка концепции демократической реформы КПСС и на ее основе антикризисной программы для нашей партии. Эта реформа должна стать центральным звеном совокупности демократических реформ, направленных на окончательную ликвидацию режима и переход к демократическому социализму.

Демократическая платформа предлагает свою концепцию реформы КПСС. При этом мы исходим из того, что осуществление реформы, переход к политическому плюрализму не может быть мгновенным. Он предполагает поэтапность преобразований, их взвешенность и подготовку. Если поспешность в проведении реформы может привести к хаосу и анархии, потери управляемости обществом, то медлительность, чрезмерная осторожность грозит обернуться реставрацией тоталитаризма и крахом перестройки.

На путях осуществления реформы партии нам видятся два основных этапа, наполненных следующим содержанием:

Первый этап. ПЕРЕДАЧА ВЛАСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ОТ МОНОПОЛЬНО ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ СОВЕТАМ. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ПАРТИИ.

Начало данному этапу положила «мартовская» революция — весение 1989 года выборы народных депутатов СССР. Его содержанием является постепенное ограничение властных функций партии. Партия отказывается от непосредственного вмешательства в экономическую, социальную и духовную жизнь, сужает сферу своей кадровой политики, сосредоточивая свое внимание на идейно-политическом руководстве. Высшая власть переходит к Съезду народных депутатов, а на местах — к Советам. Все это осуществляется в рамках концепции разделения законодательной, исполнительной и судебной власти.

Ведущая роль партии в обществе перестает быть конституционно

закрепленной монополией, а базируется исключительно на ее авторитете, способности продолжать роль инициатора перестроечных процессов.

Происходит размежевание радикального и консервативного крыла в партии, формирование различных платформ, групп, фракций.

Одновременно продолжается формирование демократических структур гражданского общества, создание новых политических организаций и движений, подготавливающих условия для возникновения различных политических партий. Мы считаем, что только союз прогрессивного крыла КПСС с независимым демократическим движением народа способен дать перестройке реальную социальную базу, выведя ее из нынешнего кризисного состояния.

Для осуществления данных преобразований в рамках первого этапа необходимо:

1. Пересмотр Конституции СССР (отмена ст. 6) и принятие Закона об общественных организациях (или Закона о политических партиях), в котором должна быть гарантирована свобода создания политических партий и их равноправие, определен их политический статус.

2. Проведение реформы идеологии, которая должна найти свое концентрированное выражение в новой Программе партии.

Под такой реформой мы понимаем следующее:

а) отказ от догматического толкования марксизма. Использование той части марксистского наследия, которая сохранила значение в современных условиях. В дальнейшем партия должна широко использовать передовые достижения человеческой мысли, отвергнув подходы и схемы, препятствующие процессу постоянного обновления и творческого поиска;

б) правдивое признание той огромной ответственности, которую несет КПСС за результаты и последствия тоталитарного режима в нашей стране. Необходимо полное и бесповоротное осуждение модели государственного социализма, которая привела наше общество к глубокому кризису;

в) научное определение цели проводимых реформ — окончательная ликвидация тоталитарного режима и переход к демократическому социализму, основывающемуся на приоритете общечеловеческих ценностей, принципах демократии, гуманизма, плюрализма, социальной справедливости, ненасилия, солидарности, терпимости к другим мировоззрениям и общественным системам.

3. Проведение реформы организационных структур и внутрипартийных отношений на основе нового демократического Устава КПСС.

ЦЕЛЬ РЕФОРМЫ: замена принципа демократического централизма основополагающими демократическими принципами (выборности, гласности, сменяемости, подчинения меньшинства большинству, при предоставлении уставных гарантий защиты меньшинства) и полный отказ от номенклатурной системы.

Для этого мы предлагаем в Устав КПСС внести следующие принципиальные изменения:

ввести прямые, альтернативные, по платформам, при тайном голосовании, со свободным выдвижением кандидатов выборы секретарей первичных парторганизаций, райкомов, горкомов, членов партийных комитетов, делегатов на партийные форумы;

вернуться к свободе фракций и группировок, идейных течений, отменив резолюцию X съезда РКП(б) «О единстве партии»;

закрепить возможность создания горизонтальных структур в партии (например, объединений по целевым, функциональным, профессиональным и иным интересам);

вывести органы партийного контроля и партийные средства массовой информации из подчинения исполнительных органов партии, сделав их подотчетными только съезду или конференции;

обеспечить сохранение за делегатами партийных съездов и конференций их полномочий на весь срок вплоть до нового форума (если делегат не будет отозван);

ликвидировать специальные привилегии и льготы для выборного актива и аппарата, подрывающие авторитет партии;

заменить номенклатурную систему выборами, конкурсами и другими демократическими механизмами подбора кадров;

ввиду пробуждения национального самосознания народов, усиливающейся тенденции республик к самостоятельности (и возможного перезаключения договора об образовании СССР) перейти по мере созревания условий к федералистскому принципу построения КПСС в соответствии с построением нашего государства; создать Коммунистическую партию России.

Временные границы и характер данного переходного этапа будут во многом определяться границами политического и идейного плюрализма в самой партии: чем быстрее и радикальнее будет идти процесс демократизации КПСС, тем мягче и безболезненнее будет переход к полновластию Советов, формированию многопартийной системы.

Второй этап. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КПСС В ПАРЛАМЕНТСКУЮ ПАРТИЮ, ДЕЙСТВУЮЩУЮ В УСЛОВИЯХ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ, ПРАВОВОГО, ПАРЛАМЕНТСКОГО ГОСУДАРСТВА.

Нам представляется, что возможность перехода к данному этапу связана: во-первых, с окончательным утверждением полновластия Советов, созданием нового парламентского правового государства; во-вторых, с проявлением массовых политических партий и организаций, способных реально участвовать в осуществлении власти и взять на себя ответственность за управление страной; в-третьих, с превращением КПСС в подлинно современную, демократическую партию, готовую на равноправный диалог с другими политическими силами, в том числе стоящими в оппозиции к ней. Все это дает возможность перейти к парламентской системе с пропорциональным представительством партий в органах власти сообразно прямому волеизъявлению избирателей. Логическим началом данного этапа является подготовка и проведение очередных (или внеочередных) выборов народных депутатов СССР.

Выступая за сохранение за нашей партией лидирующих позиций, мы считаем, что право на политическое лидерство КПСС должна приобретать исключительно на выборах и подтверждать своей теоретической и практической деятельностью, способностью конструктивно решать встающие перед обществом проблемы.

В этот период партия сосредоточивает свое внимание на четырех основных функциях: *программной* (разработка социально-экономических, политических и других программ, представляемых в качестве альтернативных в парламент страны), *политической* (борьба за завоевание на выборах большинства мандатов в органы власти всех ступеней и, в случае победы, формирование правительства, реализация своей предвыборной программы), *идеологической* (отстаивание в условиях идеологического плюрализма своих идейных позиций и взглядов, пропаганда и агитация за свои идеи, привлечение граждан на сторону и в ряды КПСС) и *организационной* (организация внутрипартийных отношений на подлинно демократических началах).

Производится максимальное упрощение, децентрализация партийной структуры, ликвидация излишних промежуточных звеньев между ЦК и первичными парторганизациями.

Осуществляется дальнейшая демократизация внутрипартийной жизни в соответствии с принципом: решения, принятые партийной организацией в рамках предоставленных ей полномочий, не подлежат отмене вышестоящими партийными органами.

Создается механизм проведения референдумов по коренным проблемам жизни партии и ее отдельных организаций.

Парламентская фракция КПСС получает широкую автономию в своей деятельности и подчиняется лишь съезду партии.

На данном этапе происходит окончательное организационное размежевание между радикалами и консерваторами в партии. Возникшие на предыдущем этапе различные идейные течения, платформы, фракции могут стать основой для возникновения нескольких политических партий, предлагающих различные модели социализма и пути их достижения.

Таковы в общих чертах политические, идеологические и организационные преобразования КПСС, предлагаемые «Демократической платформой».

Наиболее эффективным способом обсуждения и принятия концепции демократической реформы партии является, по нашему мнению, проведение общепартийной дискуссии в рамках подготовки к XXVIII съезду КПСС. Учитывая исключительно сложную ситуацию, в которой оказались партия и страна, «Демократическая платформа» настаивает на проведении внеочередного съезда КПСС со следующей повесткой дня:

1. Кризис в партии и пути выхода из него.

2. О передаче власти Советам и новом месте партии в политической системе общества.

3. Основные направления коренной демократической реформы КПСС.

4. Выборы нового состава ЦК, Политбюро, Генерального секретаря, главного редактора газеты «Правда» и др. партийных органов.

Выступая за коренную реформу партии, мы в то же время не питаем иллюзий, что консервативная часть партии, партаппарат охотно пойдут на такого рода преобразования. Предстоит упорная борьба. И мы убеждены, что если КПСС в дальнейшем стремится сохранить лидирующие позиции, которые будут основываться на народном доверии, то никакой реальной позитивной альтернативы демократической реформе нет. В том же случае, если здоровым силам внутри КПСС не удастся провести коренные демократические преобразования, кризис неизбежно приведет партию либо к политическому банкротству (как в Польше), либо к железной руке (как в Китае).

Мы призываем всех, кто придерживается демократических принципов, выступает за демократическую реформу КПСС, заявить о себе, сплотиться, создать то, что не противоречит Уставу партии,— демократическую платформу; путь к реформе партии — создание горизонтальных структур: партклубов, межрегиональных объединений коммунистов, советов секретарей партийных организаций, занимающих сходные политические позиции; завоевание большинства в официальных структурах. Мы призываем выдвигать и выбирать делегатов на партийный съезд по платформам.

Роман Амосов

СПЕЦМЕРОПРИЯТИЕ

В этот день Валентин уехал с работы раньше обычного — в пять в райкоме собирали оперативный отряд на инструктаж по случаю предстоящей демонстрации.

Начальнику райотдела КГБ впору было играть в кино комиссаров полиции — под пятьдесят, с правильными чертами лица, с седеющими висками и пронзительным взглядом утомленных глаз, желваки так и ходят под гладко выбритой смуглой кожей. Вместе с ним были еще четверо непонятного назначения, тоже в штатском. Начальник, надо признать, держался вполне интеллигентно, говорил мало и быстро передал слово одному из сопровождающих.

— Товарищи линейные! Вы тут все люди грамотные, я думаю, вам не нужно объяснять, какое значение имеет для нас и для наших друзей во всем мире безупречное проведение демонстрации. Международное положение вы знаете. Напоминаю ваши обязанности. Сейчас вам раздадут пропуска. Пропуск и паспорт иметь с собой седьмого ноября обязательно. Следите за прогнозом погоды, но на всякий случай одевайтесь потеплее — теплое белье, перчатки, головные уборы. Зонтиков не брать. Рекомендую с утра поесть побольше гречневой каши, жидкости — как можно меньше. Пропуска в туалеты будут, как всегда, у старших в линиях, но не злоупотребляйте...

Все это Валентин слушал уже в третий раз. Шутка насчет гречневой каши пользовалась у линейных неизменным успехом.

От райкома двинулись к Красной площади: до Манежа — бесформенной толпой через Малокаменный и Большой Каменный мосты, озадачивая публику на тротуарах; у Манежа начали строиться. Тут уже собрались оперативные отряды других районов, подходили все новые. В функции линейных входило, во-первых, стоять на Красной площади во время демонстрации, повернувшись — через одного — лицом к ГУМу или Мавзолею и разделяя демонстрантов на потоки, во-вторых, следить, чтобы люди не перебегали из колонны в колонну, особенно в сторону Мавзолея, не несли лишних предметов, не шатались сверх меры. В конце демонстрации оперотрядовцы вместе с одетыми в спортивную форму солдатами создавали толпу радостного народа, на глазах которого растроганные руководители партии и правительства спускались с трибуны Мавзолея и уходили в Кремль.

На репетиции нужно было запомнить соседей по четверкам и позна-

Отрывок из повести «Подъем на холм».

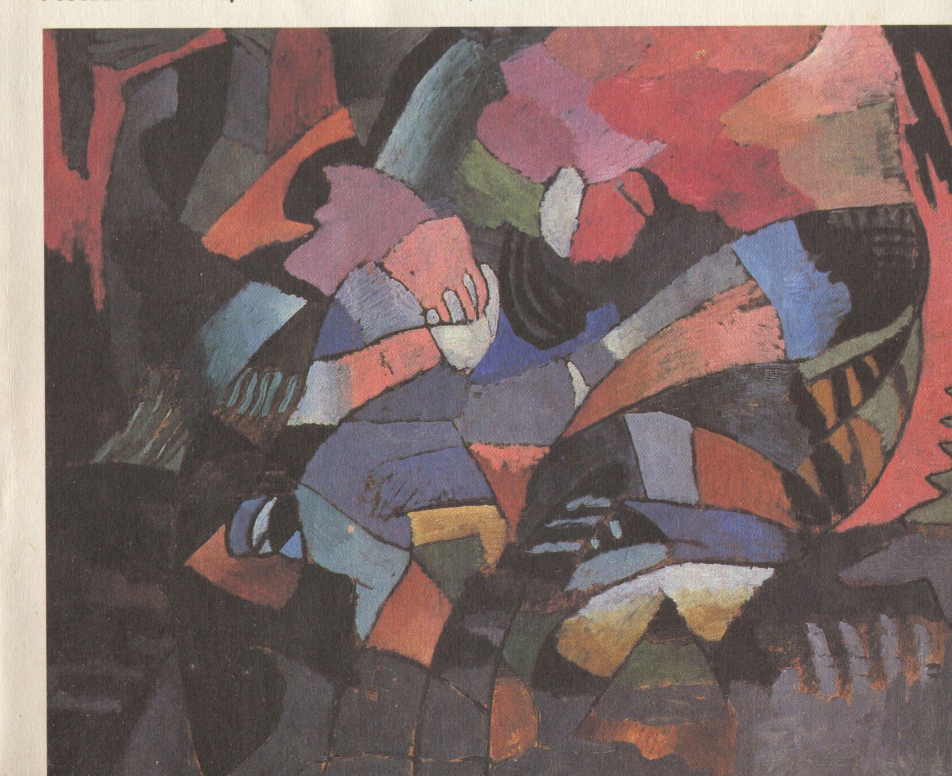
ИМПРОВИЗАЦИИ НАТАЛЬИ ТЕСТИНОЙ

Ее работы приковывают взор и как бы вовлекают зрителя в круговорот вихря цветовых пятен и динамичных линий. Они будят воображение и завораживают, настолько необычен этот мир ярких образов и бурных эмоций.

Новая серия произведений художника непохожа на ее прежние работы, основательные многофигурные композиции, которые Наташа писала со времен студенческих лет в Московском художественном институте имени Сурикова. Такие полотна, как «Танцы», «Свадьба», «Оркестр», выставлялись на всесоюзных выставках и международных — в Голландии, ГДР и ФРГ, были отмечены отечественной и зарубежной прессой. В 1986 году Наташа стала членом Союза художников СССР. За последний год изменился ее творческий почерк: она обратилась к созданию больших нефигуративных композиций.

Продолжение на 2-й вкладке

Розовая композиция. 1989

Эротическая композиция. 1990

При свечах. 1990

комиться со штатными сотрудниками — каждый пятый в линии был сотрудник КГБ в штатском. Кажется, из-за своей неброской внешности и сотрудники КГБ знали друг друга не очень хорошо, и, чтобы преодолеть это неудобство, у каждого из них на голове была импортная тирольская шляпа с литым металлическим глухарем на тулье, так что, хочешь не хочешь, вспоминались незабвенные Петя и Гаврик, вернее, дядя, который безуспешно их догонял. Если не запомнить соседей, того и гляди вотрется кто-нибудь посторонний, когда линейные начнут входить на площадь после военного парада, какой-нибудь командированный из провинции, которому приспичило во что бы то ни стало увидеть живых членов Политбюро, чтобы похвалиться потом перед земляками, и это не худший случай. Наконец, следовало и свое место точно запомнить. Для этого на брусчатке Красной площади были написаны номера.

Стемнело, и заморосил дождь, когда после долгих перекличек и перестроений по радио передали команду двигаться к площади. У Исторического музея линейные, многие далеко не спортивного вида, с портфелями и продуктовыми сумками, сквозь оцепление втянулись на Красную площадь. Часть третьей линии, куда попал Валентин, оказалась сначала на скате к Устьинскому мосту, потом обнаружилось, что ушли лишнего, и пришлось вернуться почти к Мавзолею, где стояли закутанные в полиэтилен телевизионные камеры на штативах и «тонваген» Всесоюзного радио.

С трибуны Мавзолея генеральский чин мощным, но сорванным голосом, многократно усиленным с помощью динамиков, руководил репетицией.

— Напоминаю линейным: демонстрацию замыкает колонна комсомольцев. За ними на площадь вступают спортсмены-динамовцы. Поворачиваетесь все лицом к Мавзолею. Раздается приветствие: «Коммунистической партии Советского Союза слава!» Вы скандируете: «Слава! Слава! Слава! Ура!» Три раза «слава», один раз «ура». «Ура» долгое. Посылаете приветствие рукой. После этого идет фонограмма песни «Широка страна моя родная...». Напоминаю слова: «Широка страна моя родная... Много в ней лесов, полей и рек... Я другой такой страны не знаю... Где так вольно дышит человек...» — Он читал совершенно бесстрастным голосом, без всякого выражения, и после каждой фразы делал паузу, словно предполагая, что линейные будут конспектировать.— Под музыку маршируете на месте и после слов «Где так вольно дышит человек» поворачиваетесь налево и с левой ноги начинаете движение в сторону Василия Блаженного. Внимание! Дайте фонограмму.

Под громкие звуки «Марша коммунистических бригад» от Исторического музея двинулась колонна солдат (спортсменов-динамовцев). Когда они поравнялись с «тонвагеном», музыка стихла, и по площади раскатился дрожащий от счастья голос диктора Левитана: «Коммунистической партии Советского Союза слава!» Линейные нестройными го-

лосами подхватили «Слава...» и увяли. Одни только открывали рот для виду, другие просто молчали, переминаясь с ноги на ногу под дождем на мокрой блестящей брусчатке и отводя взгляды от соседей, иные кричали громко, но без слов просто а-а-а! ва-а-а! и даже о-о-о! Нашлись и такие, кто исполнил все досконально, включая приветствие рукой, но их было мало.

— Что это за «слава»?! —раздалось из динамиков.— Вы что, не обедали? — угадал в самую точку.— Повторим все сначала. Динамовцы — на исходную позицию!

Сносная «слава» получилась с третьего раза. Теперь дали фонограмму «Широка страна моя родная». Некоторые уже забыли, что надо делать, остались на месте или побежали к ГУМу, считая, что репетиция закончена.

— Отставить! Идете, как стадо баранов. Я же вам объяснил: начинаете движение после слов «Где так вольно дышит человек», не раньше. И двигаться только в сторону Василия Блаженного, только налево, сохраняя порядок. Имейте в виду, пока не отработаем все, домой никто не пойдет, будем мокнуть. Повторяем сначала. Дайте фонограмму!

Под конец, когда у линейных уже зуб на зуб не попадал, отрабатывали спецмероприятие. Дважды из подъездов ГУМа, из ворот Спасской и Никольской башен, из Исторического музея и храма Василия Блаженного, из-за Мавзолея выбегали, заполняя площадь грохотом сапог и высекая искры подковками, солдаты, разрезали линейных и динамовцев на небольшие, метров так пять на пять, квадраты и, сцепившись руками друг с другом, замирали. Ростом все под два метра и совершенно неразговорчивые, как немые. На шутки линейных не отвечали.

Репетиция кончилась в десятом часу. За оцеплением толпились любопытные, пытаясь понять, что происходит на Красной площади. Недавние бараны протискивались сквозь них с многозначительным видом, казалось даже, с сознанием некоей причастности к высшим сферам. Их отличили! Валентин поймал себя на том, что и он, в прилипшей к телу сырой одежде и со спазмами в пустом желудке, смотрит на толпу с необъяснимым превосходством посвященного. В конце концов, оправдывался он, лучше дважды в год ломать эту комедию, чем ежемесячно сидеть допоздна в прокуренной комнате опорного пункта за домино и анекдотами и разносить по квартирам милицейские повестки. Опять же отгулы...

В вестибюле метро на площади Свердлова было не протолкнуться. Среди тех, кто в мокрой одежде, то преодолевая кое-как сопротивление людского водоворота, то отдаваясь ему, постепенно пробивались к эскалаторам, казалось, не меньше половины миновали контролеров без билетов, показывая красные книжечки. Но Валька-то знал, что на самом деле они составляют не больше одной пятой всей толпы. Интересно, чем они занимаются в остальное время?

Вячеслав БАСКОВ

ГОЛАЯ ЖЕНЩИНА

В моду входит голая женщина. Возле вокзалов и в метро там и сям плотной толпой собираются мужчины и подолгу молча рассматривают большие настенные календари, которые настоящим полиграфическим способом изготавливают первые советские кооператоры. На разноцветных глянцевых листах — голые женщины. Огромные, как живые, вроде тех, что, закупорившись на все пуговицы, презрительно и как-то сжавшись проходят мимо. Не рисунки, а фотографии! Натуральные голые женщины! Позы, схваченные фотографом, видимо, пробуждают в молчаливых мужчинах долгожданное: голая девушка как бы застигнута врасплох, за ней как бы подглядели в тот момент, когда она думала, что одна, и поэтому раздевалась. Вот какая-то девушка входит в воду: она, знаете ли, собралась окунуться. Понимаете, есть такие глухие речушки, где на берегах ни души. И тогда девушка решается искупаться голенькой. Вдруг — ах! Шорох в кустах! Девушка одной ногой по-балетному уже ступила на гальку и быстро оборачивается: кто там? Но в глазах и на всем лице ее не ужас, она не заорет:

— Чо прячешься?! Пошел отсудова! Голой бабы не видал?! — как это бывает в жизни, а, наоборот,— скорее выражение приятной неожиданности: и тут, дескать, не спрячешься... Ну, если уж увидал, идем со мной купаться!..

Разумеется, она снята со спины. Спереди — это уже считается порнографией, которая у нас еще запрещена, словно бы она помеха рыночной экономике.

Вид голой женщины со спины ничем не хуже вида голой женщины спереди. Во всяком случае для мужчин, которые вообще никогда не смотрели фотографий голых женщин, спина тоже воспаляет воображение. Из совершенно достоверных источников сообщают, что немало юношей и мужчин, теснясь перед кооперативными календарями, непроизвольно получают полнейшее удовлетворение от нашей жизни. Впрочем, мужская страсть не выдерживает качественного определения «полнейшая»: от календарей многие устремляются к кооперативным киоскам, чтобы вкусить сладость обладания чудесной женщиной, которой не жалко своей красоты — для всех, еще и еще раз. Там, за стеклами киосков, вывешены гирляндами целые ленты крошечных фотокарточек полуголых девушек — и старательно вглядеться в них не менее приятно, чем созерцать календарных издали. Даже еще интимнее получается. Как будто ты с ней один на один.

На маленьких фотоснимках запечатлены разные девушки: у одной очень большие груди, гораздо больше, чем у вон той. У другой, полулежащей на тахте, такая круглая, как у куколки, попочка, что закачаешься (вас, читатель, не шокируют столь смелые описания?). Третья, черт побери, одета в колготки, через которые ну все, прямо все просвечивает, вот только бы сняла она эти чертовы колготки, зачем в колготках фотографируется!.. Журналисты и экономисты, которые освещают кооперативное движение в СССР, не раз рассказывали об этих киосках, обращая главное внимание на значки с надписью: «Егор, ты не прав!» Быть может, и эти значки привлекают мужское население к киоскам, все может быть. Однако свежая сводка Госкомстата СССР из-

вещает о резком уменьшении числа изнасилований и покушений на изнасилование за годы последней перестройки сознания, когда, собственно, и была разрешена фотоэротика: если в 1985 году за это жестокое деяние было осуждено 22 600 мужчин, то в 1988-м — 16 300. Это понятно: выставленная за стеклом на всеобщее обозрение полураздетая игривая кокетка не способна разбудить животную похоть. Наоборот, насмотревшись на ее прелести, и к живой женщине начинаешь относиться более спокойно и гораздо нежнее. Словом, более здорово.

Вообще-то изнасиловать советскую женщину очень трудно. Они довольно сильные, потому что чуть не половина их, как выяснилось, занята тяжелым ручным трудом. Да вот и девушки на карточках и календарях не производят впечатление неженок. Уроки физкультуры и военного дела в средней школе сформировали их осанку.

Однако, говоря совершенно беспристрастно, кооперативная голая девушка очень мало похожа на вечно озабоченную живую. Пока она раздета, все вроде хорошо и на душе легко. Но так ли легко ее одеть, как раздеть?..

По последним сведениям, из-за своей чрезвычайно низкой профессиональной квалификации обычная советская женщина (есть и не обычные — академики, например) зарабатывает значительно меньше обычного советского мужчины. До 150 рублей в месяц получают 43 процента женщин, работающих в промышленности. От 200 до 300— 14,5 процента. Свыше 300 рублей платят — как настоящим мужчинам! — всего 2 процентам тружениц. Что же касается молодых девушек, только что пришедших на работу после окончания учебного заведения, то зарплату до 150 рублей получают и вовсе 72 процента их. Угнетающее большинство.

А приличные сапоги стоят теперь на Рижском рынке 500 рублей, в магазине — 160. Но ведь одних сапог в гардеробе явно недостаточно. Нужны туфли, платья, кофточки, юбки, брюки, бижутерия, косметика и, пардон, трусики, бюстгалтеры, колготки... Дело даже не в количестве предметов, а в их сумасшедших ценах. Государственная цена косметического набора — 110—160 рублей! Изящные трусики «для спальни» (с гипюровыми «экранчиками» — кокетливыми просветами) рублей за 25 считаются теперь дешевыми и идут нарасхват. Наши таких не делают — так что французские или итальянские. Обычные хлопковые трусики — червонец. Бикини (трусики не по талии, а по бедрам — крик моды) — 15. Причем приличного белья в магазинах фактически нет, женщины достают все это друг у друга с переплатой, у них в ходу свои цены.

Трусики — 10, а самый дешевый бюстгалтер — 8.20. «Да таких дешевых не бывает!» — хором закричат женщины. Знаете, бывают, мне лично одна женщина рассказывала: иду, говорит, зашла в магазин, смотрю — 8.20 и народу никого, купила бы два, но в сумочке была десятка... Несколько трусиков женщине надо иметь? И бюстгалтером одним не обойдешься. А уж за грацию (что-то вроде купальника, в котором расхаживают по сцене девушки на конкурсе красоты,— очень, кстати, удобная одежка, заменившая и комбинашку, пережиток прошлого), так вот, за грацию отдай 35 рублей по меньшей мере, а то и 50.

— Когда несколько лет назад я мужу объяснила, сколько стоит женщина,— вот я голая и меня надо выпустить на улицу одетой, он чуть не упал,— говорила одна молодая дама.— С карандашом в руках себя оценила: летом стою 300 рублей, а зимой — 900. Это только чтобы просто выйти на улицу! Но то было несколько лет назад. Сейчас уж

и не знаю, сколько. Лет пять стараюсь ничего не покупать, донашиваю...

Конечно, изнасилование — деяние низкое, грязное, страшное. Но, по-моему, еще страшнее, когда материально беззащитная девушка поставлена в такие условия, что сама не чает скорее найти друга. С его помощью она могла бы одеться, обуться, купить флакончик духов... Иначе, как видите, самостоятельно и честно девушке жить чрезвычайно трудно. Будешь ходить совсем голой — замухрышкой, на которую ребята не посмотрят.

Нигде в мире, наверное, нет таких преданных родителей, как у нас. Так что именно у нас отнюдь не редкость встретить на улице нищенски одетую маму и «современно» дочку, которая зыркает по сторонам своими шаловливыми глазками, подыскивая бедной мамочке достойную замену с более полным кошельком. Иная дочурка согласна на любую замену: маму жалко, совсем замучилась...

Оповестив широкую публику о трогательной бедности советских женщин (которые эдак случайно составляют больше половины всех рабочих и служащих и 45 процентов в сельском хозяйстве — работают, а себя одеть не могут!), Госкомстат СССР вместе с тем открыл, сколь случайной, сколь непрочной оказывается советская семья. Ежегодно у нас создается свыше 2 700 000 супружеских пар, а распадается 950 тысяч — больше, чем где бы то ни было в мире. И еще мы узнали, как много существует женщин, заменивших сперва маму мужем, потом мужа — алиментами: в 1988 году из 579 тысяч исков о взыскании алиментов суды удовлетворили 571 тысячу. Неуверенность женщины в сегодняшнем дне побуждает ее идти на аборт: в 1987 году она перенесла 6 818 000 этих тяжких операций, год спустя — 7 528 000...

Неизвестно кем и непонятно для чего запрограммированная бедность советской женщины прямо-таки толкает тысячи их на совершение уголовных преступлений. По самым последним сведениям, каждый шестой преступник — женщина. А что касается Белоруссии, Литвы, Грузии, Казахстана и Украины, то там, целомудренно уточняет анонимный автор Госкомстата, «доля женщин-преступниц несколько превышает среднесоюзный уровень». Вдобавок в 1988 году за различные преступления было осуждено 679 200 мужчин и женщин, из них 80 тысяч — несовершеннолетних, а из них 13 075 — девочки от 14 до 17 лет. В 1989 году девочек стало больше: 13 497.

Но вернемся к совершеннолетним. В прошлом году попались на краже личного имущества граждан 22 959 женщин, на хищении государственного и общественного имущества — 34 897, на спекуляции (трусиками? бюстгалтерами? сапожками?) — около 20 тысяч, на обмане покупателей и заказчиков — 28 189... Нигде об этом пока не говорили, но, оказывается, наиболее отважные женщины участвовали в грабежах с целью овладения личным имуществом (2 743 случая), в разбое с той же целью (738)... Ну и, само собой, женщины привычно варят самогон и торгуют им себе в приварок: 5 633 таких случая было в 1989 году.

Прошу читателя обратить внимание на характер «женских» преступлений: они имеют ярко выраженный экономический характер. «Овладевая» чужим имуществом, они тем самым пополняют свое. Не от хорошей жизни люди тысячами идут на такого рода преступления.

Обеспеченные женщины тоже иногда оказываются нечисты на руку. Добывание денег, ценностей становится их болезненной страстью. Помимо всем известных дам высшего света, которые прямо-

таки помешались на музейных редкостях, есть немало других, безымянных, промышляющих тем же самым. Это главным образом жены и дочери крупных руководителей.

К сожалению, приходится говорить и о том, что наши женщины пьют. Хорошо или плохо обеспеченные — одинаково. За распитие спиртных напитков и за появление в общественных местах в нетрезвом состоянии в последнее время задержаны и препровождены под руки в медвытрезвитель больше 267 тысяч дам. Две тысячи учащихся в 1988 году были задержаны за проституцию (неучащихся не считали). С 1985 по 1988 год 17 тысяч женщин разного материального достатка принуждали лечиться от алкоголизма. Признаться, из разряда опустившихся женщин мою симпатию вызывает 21 тысяча тех, что попались за бродяжничество и попрошайничество: они искренне занимались тем, до чего их довели обстоятельства. Жизнь их подавила, сломала. Они не справились с ней. Это, несомненно, самые несчастные женщины, нуждающиеся в реальной материальной помощи. Может быть, ради них стоит вспомнить старину и назначить им пожизненный пансион: не всем же дано много сил, чтобы справиться с жизнью!..

Таким образом, в 1989 году в стране проживали 151 370 000 женщин разных возрастов, из которых всего 191 589 попались на чрезмерно активной «общественной деятельности» — в ущерб другим, себе на пользу. Это совсем немного, потому что в позапрошлом году их было 218 451, в 1987-м — 317 394, а взлет женской преступности за последнее десятилетие пришелся на 1986 год, когда сотрудники милиции задержали 375 473 нарушительницы разных законов.

Насытив пытливый ум цифрами, вернемся, однако, к жизни, которую так украшает женщина, даже если она одета по своим скромным средствам. Здесь, в жизни, худо ли, бедно ли одетая женщина встречает вас на каждом шагу.

В магазине работает немало мужчин, но вам запоминается все же женщина — это она стоит за прилавком и дерзко обсчитывает, нагло обвешивает, походя пригвождает к месту оскорбительными, насмешливыми прозвищами мужчин, женщин, стариков. В магазине мы проходим школу, как надо «правильно» ходить, говорить, смотреть... В поездах дальнего следования проводниками работают и мужчины, и женщины. Но чаще все-таки женщины. И вам запоминается, как «она» небрежно бросает вам мокрое грязное белье, как не дает сходить в уборную, запирая дверь в самое урочное время, как обсчитывает на чае, утраивая его копеечную цену. В вагоне мы проходим школу сидения на нижней полке, хождения по качающемуся коридору, нас учат «правильно» сдавать белье... Запоминается «она» потому, что подобной жесткости от женщины ожидаешь меньше всего: вдали от дома хочется немножко больше к себе внимания.

Совсем другого рода женщины — рафинированные, постные — буквально оккупировали школы. Нет, там встречаются и мужчины-учителя, но они чаще сами признают себя неудачниками. Большинство женщин же в учительстве себя, как они сами говорят, «нашли». И ежедневно, методично доводят до белого каления своей сверхтребовательностью малолетних, беззащитных, получая полнейшее удовлетворение от жизни при виде испуганных глаз или — вот экстаз! — ревущего ребенка. Женщины самоотверженно работают в поликлиниках и больницах. Иные беззастенчиво и потихоньку обирают лежачих, пока врач не видит,— без рубля и судна не подаст. А те из просвещенных женщин, кто сам работает врачом, нередко принимают от больных дорогие подарки до того спокойно, словно бы в этом нет ничего особенного. Иные же расхаживают по больничным коридорам в бриллиантах и кораллах, давая журналистам повод для глубокомысленных дискуссий о пользе все же платного здравоохранения.

Поистине женщины занимают заметное положение в нашем обществе. Они и телефонистки и прокуроры, и судьи, они сидят в бухгалтериях и в РЭУ, встречают вас в театре и в кино — куда бы вас хоть на минуту ни занесла судьба, женщина — суровая, крикливая, надменная, знающая все на свете — встречает вас и провожает. Добрая — запоминается на всю жизнь. Все остальные — на одно лицо. Наверное потому, что и мы для них на одно лицо. Однако всех, кто оскорбил вас мимоходом, не посадишь! Вот почему сводку Госкомстата нельзя считать исчерпывающей.

Опытный сотрудник МВД СССР утверждает, что почти каждый мужчина, который отбывает наказание в колонии, винит в этом «свою» женщину. Впрочем, у нас как-то уже сложилось, что женщина и в семье — некий суровый контролер. История не помнит случая, когда бы мужчина прибежал в милицию с просьбой защитить его от жены. Противоположных случаев история знает в избытке. Советская женщина — это еще и связная между милицией и мужем.

Советская женщина — одна из самых образованных в мире. Больше половины студентов высших учебных заведений — женского пола. Но, признайтесь, кто из вас не удивился, когда на трибуну первого Съезда народных депутатов СССР взошла образованная женщина и, словно уговаривая выпивших, весело призвала зал сворачивать дискуссию о положении дел в стране, потому что дома дети ждут?!

Пожалуй, наилучший портрет «свободной» женщины дал Дж. Оруэлл. Герой его романа «1984» ненавидит женщин, боится их до такой степени, что даже старается не встречаться с ними взглядом. Именно женщины из числа эмансипированных, по мнению английского писателя, более всего восприимчивы к злу, насилию, подавлению чужой личности, склонны к доносительству и предательству, они лучше всех «базарят» на «двухминутке ненависти»...

Но не довольно ли? Не достаточно ли одной лишь судебной статистики, чтобы читатель понял, как хорошо относятся у нас в стране к женщинам? В самом деле, где еще женщина позволила бы себе так себя вести на работе (в магазине, кафе, вузе, больнице, на транспорте) и оставаться безнаказанной? Даже в интимных спорах между мужем и женой суд всегда принимает сторону жены (хотя правота мужа порой бывает очевидной), тем самым давая журналистам повод для заумных дискуссий о равенстве мужчин и женщин перед законом.

Иногда кажется, что наша женщина появляется на свет уже с сознанием своей неограниченной власти над мужчиной. Вероятно, каждый день жизни страны убеждает ее в том, что мужчина в СССР — пустое место. Прямо-таки «для управы» на него созданы отделения милиции, военкоматы, дружинники, дворники.... А на женщину пожаловаться некому: вас просто высмеют. Особенно неловко наблюдать высокомерие со стороны девочек по отношению к мальчикам. Один мой родственник, ученик девятого класса, влюбился в свою одноклассницу. Мы все, конечно, умилились. Они шептались, слали друг другу записки, перестали делать уроки и часами болтали по телефону. И нахватали двоек. Вдруг влюбленные из-за чего-то поссорились. Развязка была неожиданной и трагичной. Как-то вечером раздался телефонный звонок, и девочка, которую все помнили первоклашкой, заявила папе страдающего влюбленного, что если его сын сию минуту не выйдет к песочнице, то завтра же с утра она подаст на него в суд за изнасилование.

— Между вами что-то было? — спросил робкий папа, прикрыв рот ладошкой, чтобы никто не услышал, о чем они говорят

— Не было,— ответила девушка звонко,— ну и что? А я возьму и скажу, что было. Он же никогда не докажет. Пусть лучше выходит.

Вот так-то нынче заканчивается первая любовь..

К сожалению, в Советском Союзе наука о женщине не продвинулась дальше борьбы за создание женских консультаций, которых все равно не хватает. Поэтому нелегко объяснить, почему встречаются женщины прозаичные, вульгарные, капризные, истеричные и, главное, почему многие из них так ненавидят мужчин? Обстоятельная справка Госкомстата СССР, пожалуй, впервые дает возможность составить хотя бы приблизительный портрет советской женщины и понять наконец-то, почему она, среднестатистическая, чувствует себя уверенно, когда выражает свою ненависть ко всему белому свету, начиная с мужчин, и вдруг сжимается, когда до нее доходит, что нравится мужчине сильнее всего тогда, когда раздевается догола? Где ее женственность? Почему ей так не терпится стать равной мужчине?

По-видимому, все дело в том, что советская женщина очень несчастна. Несчастна из-за мужчин в правительстве и ВЦСПС, в партийных и исполкомовских кабинетах, в кабинетах заводов, фабрик, институтов, учреждений... Она мало зарабатывает, а мужчины из Госкомцен и правительства высоко оценили ее шмотки. Она работает вручную, таскает тяжести на стройках, железной дороге, в общественном питании и магазинах, она работает в ночных сменах (38 процентов женщин-рабочих, а в Молдавии 50 процентов!). Женщины служат грузчиками, кузнецами, землекопами, монтерами путей, каменщиками, бетонщиками, машинистами... От хорошей ли жизни? Видимо, им ничего в каждом конкретном случае, кроме этой работы, не предложили... мужчины.

Расфуфыренные женщины, которых то и дело встречаешь в московских учреждениях, по-моему, умело создают видимость благополучия. Их привлекательность и дорого стоит, и стоит дорогого: они быстро переутомляются, скоро раздражаются. Многие ли из них вообще способны работать с полной отдачей 41 час в неделю, как мужчины? Что хотите делайте, а у них другие интересы в жизни!

С годами на работе женщины страдают сильнее, и отдача от их «трудового вклада» становится незначительной. Немало из них от работы рано заболевают, постоянно «бюллетенят». Многие женщины, еще не «выработав трудового стажа», необходимого для получения пенсии, и рады были бы сидеть дома, но для них это совершенно нереально, так как на зарплату мужа вести семейный бюджет невозможно. Вот если бы мужчине платили в расчете и на неработающую жену, тогда — другое дело. Но ведь этого у нас нет и даже не обсуждается. На тех же предприятиях, где руководящие мужчины пошли женщинам навстречу и обеспечили их надомным трудом, их зарплата не превышает 60 рублей в месяц. Так что эти женщины после проявленного к ним благодеяния опустились за черту бедности на десять рублей.

Онкологические, гинекологические, психические больные, дважды, трижды оперированные, обремененные ребенком — никаких скидок для женщины нет: она в любом случае обязана работать. Сидя дома, она тем самым урезает домашний бюджет. Лишь очень удачный брак (муж прилично зарабатывает) спасает женщину от «трудовой повинности», и она может выбирать: пойти ей работать или лучше быть дома? «Неудачный» брак — а таких большинство — прибавляет ей хлопот, утяжеляя каждый божий день и пробуждая в ней неведомые до

свадьбы качества: агрессивность, грубость, презрение к слову мужа, к самому его виду. Просыпается древнее свойство добытчицы, от которого она же сама и страдает.

Конечно, есть исключения, но в общем-то советская женщина — существо глубоко больное. Можно утверждать (хотя на этот счет и не проводилось специальных исследований), что нет ни одной женщины, у которой в сумочке не было бы пригоршни разнообразных лекарств. Наше общество очень требовательно к своим членам, не делая никакой разницы между мужчинами и женщинами. Все одинаково обязаны соблюдать трудовую дисциплину, повышать качество товаров и культуру обслуживания — женщина, существо физически более слабое, таких нагрузок не выдерживает. Их не выдерживает и мужчина. В стране не хватает женских консультаций, но в стране не хватает и больниц, детских в том числе. Это говорит не столько о слабости строительной базы, сколько о немощности населения, которое нуждается в лечении.

Женщина забеременела. Счастье ли это? В стране не хватает 20 тысяч так называемых акушерских коек. Где рожают те, кому не хватило места, пока непонятно. Известно только, что при норме 7 квадратных метров на койку в родильном доме она помещается на 4 квадратных метрах. От тесноты молодые женщины тоже заболевают. В 1987 году заразились сепсисом в родильном доме 5 тысяч рожениц, на следующий год их стало 7 тысяч. В этом учреждении, о котором снято столько сентиментальных фильмов и говорено столько медоточивых слов, не хватает белья, врачи и остальной медперсонал к роженицам равнодушны, там процветает взяточничество. В СССР материнская смертность в 2—4 раза выше, чем в социалистических странах Восточной Европы, и в 4—7 раз выше, чем в ФРГ, США, Финляндии. Велика и младенческая смертность: она от 1,5 до 5 раз выше, чем в развитых странах. Но это еще не все. В 1988 году каждая восьмая роженица страдала анемией, а в Молдавии, Казахстане, республиках Средней Азии — каждая третья — шестая. Оказалось, что в 1987 году 330 тысяч беременных вовсе были обойдены вниманием врача и после родов тоже, но уже вместе со своими детьми.

На деревне с медициной совсем худо. Не знаем, как было до революции, но сейчас в 143 тысячах сел страны вообще нет «учреждений здравоохранения» и свыше 4 миллионов человек, которые живут в крупных селах, ходят к врачу за три и больше километров. Несмотря на все это, женщина слывет у нас долгожительницей, потому что ее век, как это ни странно, на 8 лет дольше века мужчины. Однако в Великобритании, США, ФРГ, Франции и Японии средняя продолжительность жизни женщины не 73,9 лет, а на 4—7 лет дольше.

Может быть, и правда, что природа создала женщину для любви, семейного очага и поэтического вдохновения, однако дурная, устроенная на солдатский лад жизнь превратила ее в недобрую, порой в бессердечную особу, которую многие мужчины предпочитают остерегаться. Цифра разводов и число неженатых мужчин подтверждают это.

Женщина несчастна еще и оттого, что труден ее быт. Не хочется повторяться, но как не сказать, что очереди, закрытые двери магазинов и предприятий служб быта утром, вечером и по выходным укорачивают ее век? Обо всем этом было сказано так много и так подробно, что повторяться действительно нет смысла. Упорные мужчины из рай- и горсоветов, из Министерства торговли и Министерства бытового обслуживания населения не слышат никаких доводов. Они не намерены улучшать женщине жизнь.

Исключительно несчастья сделали среднестатистическую женщину

некрасивой, наступательной и по-своему экзотичной... На фотографиях, где она принимает соблазнительные эротические позы (да советская ли женщина там? Не пересъемка ли это с зарубежной открытки?), она выглядит как раз такой, какой ее хотят видеть все мужчины: доброй. Женщине на фотокарточке можно рассказать о своей жизни, спросить ее совета: у нее очень доброе и неглупое лицо. Такая поймет, выслушает...

Возле кооперативных киосков и календарей собираются обиженные судьбой мужчины, для которых встреча с «настоящей женщиной» пока несбыточная мечта. Это тоже удивительно, потому что женщин в СССР после Великой Отечественной и афганской войн гораздо больше, чем мужчин,— выбирай не хочу! Но в обществе с давних-давних пор мало любви и доброты, зато много противостояния полов.

Может быть, голая женщина с календаря своим простодушно-лукавым личиком несет покой и мир в сердце мужчины, который несчастен по-своему (см. «Горизонт», № 2 за этот год — статью «Голый мужчина»)? Не имея полной свободы, разве он сумеет, наслаждаясь сам, доставлять наслаждение женщине и рождать детей в радости? Такого же не бывает. Речь вовсе не об одноразовом наслаждении «любовью» случайной женщины где-нибудь в солдатском походе, а о состоянии наслаждения, которое, что ни говорите, дарит мужчине и женщине одно лишь супружество. Все остальное — из разряда экзотики...

Должно быть, пристально глядя на растиражированную на картинке голую женщину, иной мужчина верит, что как раз ей-то и дано обмануть свою и его жизнь...

ЭКОНОМИКА И МЫ

Леонид Ефанов

КОНВЕРСИЯ, ГРОЗЯЩАЯ КАТАСТРОФОЙ, И КАК С НЕЙ БОРОТЬСЯ

Совсем недавно в широкий обиход стремительно ворвалось это слово «конверсия», бывшее ранее достоянием лишь научного лексикона физиков и филологов. За короткий срок оно вышло в тираж в прямом и переносном смысле. Посмотрите, как им пестрят заголовки наших журналов и газет: «Конверсия: проблемы и надежды», «Конверсия — это больше хороших товаров», «Конверсия: что это значит?» и т. д.

Писать о конверсии стало сейчас чуть ли не признаком хорошего тона, и на страницах печати нет недостатка в соображениях и рекомендациях относительно ее проведения. Вроде бы лучшего нельзя и желать: проблема обсуждается на всех уровнях; в обсуждении участвуют представители самых широких кругов общественности, что уже само по себе должно создавать предпосылки для ее всестороннего, «стереоскопического» видения и правильного решения. Но вместе с тем не надо быть ни Шерлоком Холмсом, ни даже П. П. Знаменским, чтобы не заметить в содержании большинства статей, посвященных конверсии, однобокого тенденциозного административно-ведомственного подхода, в том числе и на самом высоком уровне. Главное кредо авторов лучше всего можно

выразить лозунгом: «Ура! Перекуем мечи на орала!» — или, перефразируя крылатую фразу, сказать: «Масло вместо пушек».

Так как к разуму и сердцу обращаются за помощью лишь изредка, а требования желудка дают о себе знать каждый день, то авторы многих статей предлагают особенно-то не тянуть с конверсией и провести ее как можно скорее, с тем чтобы она дала людям осязаемые результаты уже в ближайшем будущем. А коль скоро живем мы плохо и испытываем дефицит товаров народного потребления, то увеличение их выпуска за счет сокращения выпуска военной продукции предлагается сделать главным направлением конверсии. Видно, недаром говорится: «Слово тоже дело» — и дело делается. Все чаще и чаще можно прочесть о том, что такой-то отрасли или предприятию оборонного комплекса сверху вменено в обязанность, спущено в виде госзаказа производство тех или иных дефицитных товаров народного потребления или соответствующего оборудования.

На первый взгляд, казалось бы, все верно: военные расходы по своей природе непроизводительны, осуществляя их, мы добровольно лишаем себя многих материальных, людских и финансовых ресурсов. Значит, направляя эти расходы в мирное русло, можно достичь огромного экономического эффекта в деле решения таких важных социальных задач, как увеличение производства материальных благ и повышение уровня жизни народа. Так что увеличение выпуска товаров народного потребления за счет сокращения производства военной продукции — это в принципе благородная идея, которая сама по себе возражений вызывать не может. Тревожит другое. Все это делается старыми административно-командными методами, не считаясь ни с производственным профилем, ни с хозяйственными связями отраслей и предприятий.

К сожалению, мы уже можем констатировать тот факт, что в планировании конверсии к настоящему времени возобладал волюнтаристский подход, конверсия происходит стихийно при отсутствии четкой организационной модели ее осуществления. Прошел уже год, а экономический механизм и методы управления процессом до сих пор не определены. Который раз такую сложную проблему у нас пытаются решить без подготовки, в рамках очередной политической кампании, наскоком. А конверсия — проблема очень сложная, намного сложнее, чем это может показаться на первый взгляд, и «лихой кавалерийской атакой» ее не одолеть. Не случайно на Западе, несмотря на все разговоры, дальше научных публикаций, парламентских дебатов и законопроектов дело не идет. С конверсией там явно не торопятся; прежде чем приступить к ней, тщательно взвешивают все «за» и «против». А ведь считать, анализировать и составлять прогнозы развития экономики они, как мы теперь знаем, умеют лучше нас. А мы снова по старинке спешим отрапортовать, досрочно отчитаться и т. д.

Сейчас производство оружия, изобретение и разработка новых его видов, их модернизация, размещение, хранение, транспортировка и т. п. образуют целый сектор экономики, являющийся неотъемлемой частью народнохозяйственного комплекса страны. В нем сосредоточены огромный производственный и интеллектуальный потенциал, колоссальные людские ресурсы, многомиллиардные материальные ценности. Это особый вид хозяйственной деятельности, соответственно и подходы здесь должны быть выработаны особые.

С одной стороны, конверсия — это сокращение военного производства и вооруженных сил, высвобождение на мирные нужды производственных мощностей, трудовых и материальных ресурсов и т. п. Однако, с другой стороны, конверсия может привести ко многим негативным по-

следствиям, и прежде всего к неуправляемому росту цен, так как гражданские товары будут выпускаться на дорогом оборудовании, предназначенном для производства военной продукции.

Наверное, всем нам памятен пример с кухонным ножом, приведенный на II Съезде народных депутатов, который выпускается на конверсируемом предприятии по цене 60 рублей штука вместо 12 рублей — цены на обычном заводе.

И таких примеров сейчас по стране сотни. Взять хотя бы нашу Москву. НПО «Агат» в рамках конверсии должно увеличить выпуск мирной продукции в 2 раза. Это прежде всего уникальная медицинская аппаратура для лечения онкологических больных, бытовые компьютеры «Колер» и «Спектр» (стоимостью в пределах 500 и 1000 руб.), а также компрессоры для подкачки автомобильных шин, автомобильные фонари и т. п.

Конечно, такая перспектива всех нас только радует. Правда, возникает вопрос: где найти источник финансирования производства этой продукции?

Ресурсы «новых» заказчиков предприятий, занимающихся конверсией, часто ограничены. Да и самого заказчика на новую продукцию подчас негде взять. Раньше в оборонке не имели прибыли на новые разработки. Деньги на такие цели выделялись централизованно. Теперь же приходится идти в банк на поклон, убеждать его в выгоде капвложений. А он, в свою очередь, не готов к принятию такого рода решений.

Производство многих видов гражданской продукции должно вырасти с нуля сразу до нескольких тысяч. Где взять комплектующие? И еще много таких вопросов ставит конверсия перед оборонными предприятиями.

Какой же из всего этого выход? По-видимому, это либо дотации из госбюджета, с тем чтобы предприятие могло без серьезного ущерба производить товары народного потребления, либо резкое повышение цен на них. Какой же из выходов хуже? Думается, вопрос так будет поставить неправильно. Оба выхода хуже. Дотации у нас никогда еще не были эффективным стимулом производства, взять хотя бы сельское хозяйство и пищевую промышленность; к тому же нашему бюджету сейчас явно не до дотаций. Цены? Но куда же их еще повышать? Так что оба выхода — прямой путь к усилению инфляции.

Инфляция! Если бы только одна инфляция; конверсия чревата еще и таким злом, как безработица, так как она будет сопровождаться массовым увольнением персонала конверсируемых предприятий.

Сейчас много говорят и пишут о целесообразности предоставления серьезных социальных гарантий бывшим военнослужащим и работникам оборонного комплекса. Но способны ли мы во время экономического кризиса предоставить их в таких количествах? Способны ли мы организовать систему массовой переподготовки кадров, их перемещение из одного конца страны в другой, обеспечить их работой и жильем? А это миллиардные затраты. Покроет ли их сокращение военных расходов?

Вот сразу сколько возникает «ли» и «но», а ведь мы коснулись только двух аспектов. Однако это еще далеко не все, это лишь небольшая часть тех проблем, которые могут возникнуть. Как говорится, дальше в лес — больше дров.

Современное оборонное предприятие — это прежде всего узкая специализация и широкая кооперация производства: сотни смежников и поставщиков, разбросанных по всей стране; хорошо отработанные и отлаженные межхозяйственные связи. Нарушить эти связи — значит внести диспропорцию в народное хозяйство. Поэтому при проведении конверсии этот фактор требует особенно тщательного анализа. Мы же при таком волюнтаристском подходе одним распоряжением, одним приказом из министерства рвем их произвольно, заменяем другими, для этого непригодными.

Так, в 1988 и 1989 годах наблюдалось серьезное отставание предприятий системы Минавиапрома, Минобоеонпрома и Минмаша с выполнением заданий по конверсии из-за недопоставок со стороны новых смежников — предприятий системы Минэлектротехпрома и Минхиммаша. Объемы плановых заданий растут и растут, а вместе с ними растут и проблемы. Кто будет их решать? Последствия могут быть самыми непредсказуемыми. Многие из них мы начинаем пожинать уже сейчас; еще страшнее отдаленные последствия, которые пока не ощущаются.

Нас же все, от члена Политбюро до политического обозревателя, уверяют, что конверсия идет как надо, по строго продуманному и научно обоснованному народнохозяйственному плану, а социалистическая система сама по себе устраняет объективные препятствия на пути ее проведения. Так, «Правда» от 24 октября 1989 года в статье «Конверсия: взгляд из столицы» пишет: «Однако трудности будут носить временный характер и не идут ни в какое сравнение с тем положительным эффектом, который дадут обуздание гонки вооружений, оздоровление международной обстановки, повышение доверия в мире». А газета «Социалистическая индустрия» от 23 августа 1989 года опубликовала статью В. Богдановича под эпическим заголовком «Конверсия: начало обнадеживает».

Однако же едва ли нас может обнадеживать волюнтаризм в экономике, который ведет к развалу оборонного комплекса страны. Нас не может обнадеживать такая «конверсия», при которой предприятия, производившие такую уникальную технику, как ракеты СС-20, заставляют, не считаясь с их профилем и хозяйственными связями, делать оборудование для убыточной пищевой промышленности. Справились, мол, с ракетами, а уж с этой-то ерундой — раз плюнуть! Всему же Министерству машиностроения (в системе которого производились СС-20) приказано наладить техническое оснащение хлебопекарной, сахарной, дрожжевой и еще бог знает какой промышленности.

Минобоpонпрому вменено в обязанность наладить производство агрегатов и поточных линий по переработке скота и птицы, производство мороженого и т. п., а Минсредмашу — техники по переработке молока. А наверху еще недоумевают, как это так, безобразие! Почему многие головные предприятия оборонных отраслей отказываются от заключения договоров на комплектную поставку технологических линий? Почему решение вопросов, связанных с размещением производства линий по изготовлению пельменей и фрикаделек на предприятиях Минсредмаша или хлебопекарен на предприятиях Минсудпрома, вдруг затянулось, а Минобщемаш не торопится с резервуарами для хранения молока?

Конечно, по приведенным фактам принимаются «меры» с целью ускорения освоения «важных видов мирной продукции» (руководителей предприятий вызывают «на ковер» в вышестоящие органы, дают ЦУ и т. п.). Предприятиям буквально выкручивают руки, заставляя конверсировать производство.

Однако число таких фактов не уменьшается, несмотря на все принятые меры. Оно и не уменьшится, а будет неуклонно расти. Для большинства предприятий такая конверсия тяжкая обуза: это сбои в производстве, снижение рентабельности и падение заработков, престижа труда в данной сфере, а вовсе не рост доходов и средство решения социальных проблем. Они не знают, как от нее избавиться.

Кроме того, переход от технически сложной военной продукции к производству значительно более простой гражданской грозит потерей квалификации для многих рабочих и инженеров, снижением интеллектуального потенциала, не может не вызвать отток квалифицированных кадров из сферы военного производства, работа в которой до сих пор благодаря относительно высоким заработкам и известным льготам считалась довольно престижной и привлекательной. А ведь этот процесс уже начался и идет полным ходом.

Кому нужна, кому выгодна такая конверсия?

Функционерам, высокопоставленным чиновникам из министерств и ведомств, которые далеки от положения дел на конкретном предприятии и которых больше всего волнуют отчеты и меньше всего то, что за ними стоит.

Ведь если дела так пойдут и дальше, то мы через 10 лет, отведенных по плану на конверсию (а только к 1995 г. выпуск гражданской продукции в военном секторе увеличится на 82%), вместо ожидаемых экономии средств госбюджета, ликвидации дефицита товаров народного потребления, технического совершенствования предприятий гражданского сектора и т. п. получим усиление дефицита госбюджета, рост темпов инфляции и, как следствие, глубокий кризис в экономике.

В этой связи хотелось бы еще раз напомнить: сфера производства военной продукции — это очень сложное явление в экономической и социальной жизни общества. Поэтому любые односторонние подходы при проведении конверсии просто недопустимы. Необходимо десятки, а может, и сотни раз взвесить все «за» и «против», глубоко проанализировать экономические, социальные, демографические и прочие последствия, которые она может вызвать для общества, и только потом приступать к ней.

И здесь, думается, нас не должно покидать чувство оптимизма. При правильных всесторонних подходах экономический эффект конверсии может быть огромен, надо только их выработать. Ведь положение дел в нашей экономике на сегодняшний день таково, что производство многих видов гражданской продукции принесло бы оборонным предприятиям значительно больше выгоды, чем производство продукции военного назначения.

Следовательно, вопрос не может ставиться так: производить или не производить? Проблема заключается в том, что именно производить и как, в каких количествах.

В конверсии предприятие должно быть прежде всего заинтересовано экономически. Главное место здесь должно принадлежать хозяйственным рычагам и стимулам, и прежде всего таким, как цена, рентабельность, прибыль, зарплата, плата за фонды и т. п. Словом, в основе должна лежать разработка эффективного экономического механизма конверсии.

При разработке такого механизма необходимо учитывать, что сейчас в СССР идет коренная перестройка отношений социалистической собственности, активно формируются новые принципы хозяйствования, происходят глубокие изменения во всей производственной базе страны.

Чтобы избежать опасности административно-ведомственного подхода при осуществлении конверсии, необходимо уйти от подтвердивших свою непригодность старых, иерархических, так называемых вертикальных связей в экономике: правительство — министерство — предприятие и перейти к новым, прогрессивным (как показывает мировой опыт), горизонтальным связям типа: местные органы власти — предприятие — банк.

И здесь большие перспективы имеет такая форма, как объединение самостоятельных мелких и средних гражданских предприятий, а также финансовых организаций вокруг крупных оборонных предприятий. Объединившиеся на таких началах предприятия будут осуществлять совместную деятельность на основе добровольной централизации функций научно-технического, производственного и финансового развития, внешнеэкономических связей и т. п.

Такая структура очень удобна для осуществления конверсии прежде всего потому, что она позволит, во-первых, сохранить и держать под контролем высокий экономический и интеллектуальный потенциал военного производства, быстрее и дешевле наладить его перепрофилирование (переподготовку кадров, переоснастку оборудования и т. п.); во-вторых, использовать преимущества крупных предприятий оборонного комплекса для улучшения деятельности гражданских предприятий (за счет их технического переоснащения, перераспределения лишнего оборудования, квалифицированных кадров и т. д.) и, в-третьих, упростить межхозяйственные связи предприятий, повысить их эффективность (сократить нерациональные перевозки и сроки поставок, уменьшить затраты на строительство объектов, снизить расход электроэнергии).

Важно отметить, что организации, объединившись таким образом, могут за счет собственных и привлеченных средств создать инвестиционный банк, который будет заниматься финансированием их развития. Создание таких банков прежде всего позволит осуществлять финансирование развития предприятий с максимальной эффективностью, и, что не менее важно, это позволит финансировать конверсию за счет собственных средств, не выделяя на эти цели деньги из госбюджета.

Другим важным направлением использования военного сектора в мирных целях могла бы стать в наши дни разработка региональных целевых комплексных программ оказания помощи крупными предприятиями мелким и средним гражданским предприятиям на принципах хозрасчета. В рамках таких программ будет происходить рациональное перераспределение производственных мощностей между оборонными и гражданскими предприятиями, полная загрузка свободных мощностей, оказываться помощь в техническом переоснащении мелких и средних предприятий и налаживании ими выпуска необходимых товаров мирного потребления и т. п.

Между прочим, практика таких программ хорошо себя зарекомендовала и нашла широкое применение в ГДР, Чехословакии, Венгрии и других странах Восточной Европы.

Высокие характеристики многих видов советских вооружений и военной техники делают продажу их за рубеж очень прибыльной. Валютная выручка от этого может быть использована на повышение эффективности гражданского производства и покупку дефицитных товаров за границей, решение важных социальных задач. Разумеется, это очень сложный вопрос, и не столько экономически, сколько политически. Заниматься этим нужно крайне осторожно, исходя из тщательного анализа конъюнктуры рынка оружия и политической обстановки в мире.

Эти и подобные им направления конверсии военного производства позволят избежать односторонних подходов, сформировать действенный экономический механизм конверсии, провести ее с максимальным экономическим и социальным эффектом для общества в целом.

Среди многих значений модного слова «конверсия» есть и такое — «обращение в другую веру». Будем надеяться, что нынешняя конверсия поможет и нам обратиться в веру нового экономического мышления.

Андрей Бессмертный,
Сергей Филатов

К МОСКВЕ ЗЛАТОГЛАВОЙ

В 1988—1989 годах произошел перелом в отношении государства и общества к Церкви и верующим. Общественное мнение признало их возможный конструктивный вклад в построение справедливого общества. Однако извращенный характер еще недавних отношений привел к тому, что не только государство и общество не понимают, как могут быть решены связанные с этой сферой проблемы, но и сами верующие, долгие годы насильственно отчужденные от реального дела, с трудом понимают свои действительные интересы и возможности. Это может привести к ненужным социальным конфликтам, попыткам реализовать заведомо невыполнимые маниловские проекты.

Проблемы эти наиболее остро ощутимы и в то же время реально разрешимы именно в Москве, где сосредоточено большее количество верующих и существуют многочисленные круги духовенства и православной интеллигенции.

Мы, разумеется, понимаем, что в небольшой статье невозможно расставить все точки над «і» и дать исчерпывающие рекомендации и прогнозы, но надеемся, что высказанное нами мнение будет одной из первых попыток обобщения и формулировки наиболее острых нужд как верующих, так и общества в целом.

Основа религиозной жизни — церковный приход. И первоочередная церковно-общественная задача — возрождение приходской жизни и возвращение приходу его традиционных функций. Сегодня православный храм фактически не является приходским. Посещающие его люди по большей части незнакомы, их объединяет лишь присутствие на общем богослужении, тогда как канонически это должно быть объединение в таинствах и молитве реальной общины верующих, в которой все знают друг друга. Объединение внутри такой общины строится и вне храмового действа: в изучении Святого Писания взаимопомощи и благотворительности в миру, за пределами прихода (в близлежащих кварталах или микрорайонах). Но при нынешнем количестве действующих храмов никакой приходской жизни быть просто не может. Во многих церквах число посещающих их доходит до пяти — восьми тысяч, их в буквальном смысле переполняют толпы. Священники не могут быть реальными духовниками такого количества мирян, поэтому они ограничиваются «общей исповедью» и исполнением треб.

В настоящее время деятельность церковных кругов и сочувственно настроенной к ним общественности должна быть направлена на создание небольших приходских церквей и в центре города, и на его окраинах в новых районах. Десятки церковных зданий, требующихся для этих целей, к счастью, сохранились. Но либо используются не по назначению, либо просто пустуют и разрушаются. Их возвращение Церкви и восстановление силами верующих, да и всех желающих, не только стало бы колоссальным вкладом в дело возрождения нашей общей культуры, но и давным-давно является необходимостью, требующей безотлагательных действий. Вместо этого в обществе распространяется химерическое прожектерство, основанное на детской романтике и желании взять «символический реванш» у атеистов. Так, например, в

принципе желательное возвращение Церкви Успенского собора Московского Кремля не решит абсолютно никаких проблем и останется чисто символическим актом: в соборе будут толпиться преимущественно иностранные туристы, которые лишь превратят совершаемое здесь богослужение в официозно-театральное зрелище. Совсем уже абсурдным, утопическим и даже опереточно-смешным является идея восстановления храма Христа Спасителя, варварски взорванного в 1929 году.

Строительство этого храма заново стоит свыше миллиарда рублей — деньги, на которые можно было бы реставрировать и открыть все сохранившиеся храмы Москвы, а то и Подмосковья. Отсутствие этого прославленного московского памятника должно быть вечным укором обществу, постоянным напоминанием о грехах злобы, жестокости, бескультурья, совершенных нашими дедами. Можно думать о монументе снесенному храму, но сама идея его восстановления — очевидный пережиток ветхозаветного иудейского сознания в духе грез о восстановлении Иерусалимского храма. Следует понять, символом чего будет выстроенный заново храм Христа Спасителя. И своей архитектурой, и своей историей он соотносится лишь с синодальным периодом Русской Церкви, когда она существовала в подчиненном положении и использовалась в качестве официальной и насильственно навязываемой «сверху» идеологии, что однажды привело уже к страшному антицерковному взрыву. Храм не связан с деятельностью великих духовных подвижников прошлого, таких, как святые Сергий Радонежский, Максим Грек или Серафим Саровский, не имеет он отношения и к жизни своих прославленных «современников» — свв. Игнатия Брянчанинова или Феофана Затворника. Знаменит он был скорее тем, что долгое время оставался центральным собором обновленцев.

Возросшее общественное внимание к церковным «проектам века» приводит к тому, что реальная жизненная проблема открытия рядовых приходских храмов остается вне поля зрения москвичей. Просьбы верующих об открытии новых приходов застревают в районной и городской бюрократической машине. Нам известно, что уже многие месяцы верующие добиваются возвращения им храмов: Спаса в селе Спас на Волоколамском шоссе, Толгской Божьей матери в Николо-Перервинском монастыре, Мартина Исповедника на Большой Коммунистической, Рождественского собора Рождественского монастыря, Спасо-Преображения в Спасопесковском переулке, Казанской Божьей матери в Узком, Параскевы Пятницы в Качалове (Бутово), Троицы в Конькове, Троицы на Олимпийском проспекте, Троицы в Царицыне, Знаменья у метро «Пионерская», Иоанна Богослова на Тверском бульваре.

Это далеко не полный перечень. Многие верующие даже не пытаются организовать новые приходы: борьба с бюрократическим молохом заранее кажется им делом безнадежным и унизительным. Оттого так затягивается возобновление работы Вознесенского храма на Серпуховке, Троицкого в Черемушках, Влахернского в Кузьминках, Покровского в Чертанове, Никольского в Сабурове, Никольского в Троекурове. Особый вопрос — судьба церковных зданий на недавно приращенных к Москве территориях. Эти храмы (Благовещения в Солнцеве, Рождества Богородицы в Черневе, храм в Черкизове на Ленинградском шоссе) находятся в крайне плачевном состоянии: интенсивный процесс разрушения делает их возрождение все более сложным.

В связи с этим недоумение вызывает позиция церковной администрации Москвы. Прекрасно зная положение дел, Матфей Стаднюк, секретарь Московской епархии, ни разу не проявил инициативы, не

привлекал внимания общественности и прессы к делу открытия новых приходов. Очень часто инициативная группа, добившись регистрации и передачи ей церковного здания, многие месяцы ожидает от церковного начальства принятия прихода под свое управление и направления туда духовенства. Подобное поведение не находит понимания у верующих и порождает множество фантастических слухов, объясняющих его мотивы, причем объяснения эти далеко не лестны для, выражаясь языком синодального периода, «духовных командиров». Политика этих последних относительно открытия новых храмов — далеко не единственная сторона деятельности московского церковного начальства, вызывающая недоумение.

В Москве сейчас около 70 храмов — меньше, чем церквей только православного исповедания в Лондоне. Наблюдение показывает, что для нормализации положения на территории РСФСР на 50—60 тысяч человек должен быть открыт 1 храм, то есть москвичам необходимо, как минимум, 250 действующих церквей.

По мере открытия новых храмов встает все тот же больной вопрос возрождения приходской жизни. С чего, скорее всего, начнется этот процесс? С нормального приходского собрания, где люди, которые до сих пор «заходили» на службу причаститься, помолиться и заказать требы, не только найдут и узнают друг друга, но и научатся совместно решать задачи приходского самоуправления. И первейшая из них — реальные выборы руководства приходом. Из-за отсутствия нормы приходской жизни до сих пор в наши церкви на должность настоятеля, священников и старост нередко навязывались госорганами люди, не пользующиеся авторитетом, обеспечившие себе за счет церковной казны роскошную жизнь, выходящую за рамки приличия. Только демократические выборы соответственно церковным канонам смогут навести здесь порядок. Надо заметить, что Москва в этом отношении отстает. Например, как сообщил «Московский церковный вестник», в Саратовской епархии возрождение приходского собрания и приходского самоуправления идет полным ходом, что привело к очищению клира и церковного причта от недостойных людей.

Нормализация церковной жизни предполагает исчерпывающее информирование обо всем, что происходит в приходах. Нужна полная информация обо всех культурных, благотворительных, социальных инициативах верующих. Неудивительно, что в то время как самиздат сегодня постепенно «ослабевает» вследствие углубляющейся демократизации прессы, потребность в религиозном самиздате не уменьшается, а, наоборот, возрастает. Как будет решена эта проблема? Где можно будет узнавать об открытии новых храмов, количестве действующих церквей Москвы и области, о хранящихся в них святынях (чудотворных иконах и т. д.), о расписании обычных и особых служб? Возможно, это будет официальное издание Патриархии, возможно, что московские городские власти смогут содействовать созданию газеты с официальным статусом, издаваемой «неформальной» религиозной общественностью,— как бы там ни было, эта проблема должна быть решена.

По мере очищения и обновления приходской жизни приход начнет выполнять и естественно присущие ему формы общественного служения: воскресные школы для детей, курсы катехизисации для взрослых, обучение желающих церковному пению. Сложнее обстоит дело с благотворительностью. Самое простое и естественное, что можно было сделать — направление в больницы и дома престарелых сиделок и помощниц, не имеющих специальной квалификации,— уже осуществлено. Но этого мало. Даже для такого начинания необходима

организованная деятельность, способная привлечь все активные заинтересованные силы. Но необходима помощь и от квалифицированных специалистов-верующих: врачей, психологов, медицинских сестер. Для этого требуются новые источники финансирования, подбор надлежащих кадров, выработка специфических методов руководства. Мы не будем углубляться в эту тему, укажем лишь на то, что в Москве существует инициатива православного врача Алексея Мастеропуло, выдвинувшего целую программу возрождения межприходской благотворительности в городе. Об этом рассказано в сборнике «На пути к свободе совести» (М., 1989. С. 275—294).

Нормальная приходская жизнь может предполагать целый спектр благотворительной деятельности, включающей различные формы помощи как внутри общины, так и на общегородском уровне: помощь многодетным семьям, учитывающая сложность и неорганизованность нашего быта, работа с трудными подростками и т. д. Нет нужды расписывать, как все это необходимо нашему городу.

Гораздо успешнее развиваются в Москве культурные инициативы: выступления церковных хоров, фотовыставки и выставки икон, лекции и вечера, посвященные деятелям отечественной культуры и духовенства, истории религии, церковным обычаям и традициям. Но и это, конечно, только начало. Каждый приход мог бы внести свою лепту и пропагандировать не только чисто церковную культуру, но и приобщать всех к связанным с ней высоким образцам классики, к высшим этическим ценностям.

Еще одна возможная сфера социальной активности прихода — его экономическая деятельность. В начале нашего столетия Синод разрешил приходские кооперативы, и они бурно развернули свою деятельность. Эта инициатива была воспринята с энтузиазмом верующими по всей стране. Думается, что не лишней стала бы она и в наши дни, тем более что светские кооперативы до сих пор так и не смогли завоевать доверия и популярности у населения. Однако в устав всякого церковноприходского кооператива должен входить пункт жестких отчислений на богоугодные дела, что является серьезным моральным оправданием работы в любом объединении такого рода.

Москва — город многонациональный, это столица огромной страны, в состав которой входят различные народы. Учитывая тот факт, что в Москве зарегистрированы национально-культурные общества греков, осетин, чувашей и других народов, юрисдикционно подчиняющихся Московскому Патриархату, пора бы предпринять и серьезные шаги по организации национальных православных греческих, осетинских, чувашских, молдавских, украинских и белорусских приходов.

Мы не стремимся скрыть тот факт, что православие сейчас пытаются использовать некоторые антидемократические и шовинистические элементы. Действительно, социальная почва для недемократического сознания внутри Церкви имеет в нашей стране свои причины и корни. Многие представители церковной иерархии, восстановленные в правах при Сталине, ассоциировавшие половинчатую хрущевскую демократизацию с очередными гонениями, привыкшие к покорному сотрудничеству с коррумпированной брежневской бюрократией, не до конца осознают сегодня свои интересы и демократические возможности, которые открыла для Церкви и верующих перестройка. Но наиболее честная часть епископата, духовенства и мирян всегда понимала унизительность и абсурдность положения Церкви в качестве служанки административно-командной системы. Именно сейчас эта молчащая часть Церкви должна стать не только говорящей, но и правящей. Демокра-

тизация внутрицерковной жизни и церковно-государственных отношений, естественно, приведет к такой перемене. Не только моральный долг, но и политический интерес независимого и самоуправляемого прихода в Москве, как правило, еще и многонационального — борьба за это полное осуществление прав человека и построение демократического правового государства.

Сложившийся в общественном мнении стереотип понимания социально-религиозной проблематики как будто исключил из сферы своего внимания все религиозные общины, кроме православных. Ущербность такого подхода особенно заметна в Москве, ведь наш город поликонфессионален. Московские общины католиков, старообрядцев, баптистов требуют внимания и решения своих проблем. Не только Православная Церковь, но и эти религиозные организации способны внести свой вклад в дело демократизации общества, в служение ему с позиций бескорыстного милосердия. Дискриминация какого-либо христианского направления, например католиков, из-за их подчиненности Риму вызывает ненужное социальное напряжение и поддерживает антидемократические тенденции внутри нашего православия, чем разлагает церковное сознание и наносит вред обществу в целом. Московским православным предстоит осознать, что, отстаивая свободу совести для себя, они борются за аналогичные права и других вероисповеданий. Русская Православная Церковь, как наиболее богатая и влиятельная в нашем городе, могла бы оказывать и моральную и материальную поддержку инославным общинам — ведь помогают же материально католики не только Бразилии, но и Литвы тамошним небогатым православным приходам. Существует такое понятие, как экуменизм, и если совместные молитвенные собрания с канонической точки зрения многими считаются спорными, то общая работа в сфере благотворительности и социального служения ни в ком никогда не вызывала и не вызывает протеста или недовольства. Независимость церковноприходской жизни и здесь остается делом общехристианской солидарности.

Общественно-культурная жизнь Москвы только выиграет от предоставления свободы представителям различных христианских направлений. Требуя вернуть себе храмовые здания, по праву принадлежащие Церкви, православные не должны забывать о том, что община московских католиков добивается возвращения Зачатьевского костела на Малой Грузинской улице. Недавно состоялось первое богослужение возрожденных московских лютеран все в том же единственном протестантском молитвенном доме в Малом Вузовском переулке. Это помещение вынуждены десятилетиями делить баптисты и адвентисты, теперь к ним добавляются еще и лютеране. А ведь существует московская лютеранская церковь Петра и Павла в Старосадском переулке — отчего бы не возвратить ее московской лютеранской общине! До каких пор инославные христиане будут ютиться у нас по «углам», пребывая в положении своего рода «двойной дискриминации»!

Скоро будет принято новое законодательство о свободе совести. Новые правовые нормы предоставят верующим неизмеримо больше возможностей, даже если отдельные статьи закона не будут полностью удовлетворять их. Важно, чтобы эти нормы не остались только на бумаге. Гарантией осуществления этих прав могут быть только сами верующие, решительно пресекающие попытки государственной бюрократии вмешиваться в жизнь общин. Такую позицию должна занять демократически управляемая, живущая полноценной жизнью община или приход. Именно такая община способна завоевать своим социальным служением высокий авторитет у широкой общественности.

1949, ФЕВРАЛЬ — МАРТ...

Штрихи к портрету эпохи

Публикация Е. Орешниковой

Помещаемые ниже материалы из двух номеров многотиражной газеты «За педагогические кадры» не требуют специального комментария, содержание их предельно ясно. Но без предисловия, обобщающего и осмысляющего тот страшный отрезок времени, вошедшего в историю как «кампания борьбы с космополитизмом», обойтись нельзя. Таким предисловием может быть фрагмент известного романа Бориса Ямпольского «Московская улица».

«Это было время коммерческих ресторанов, Сталинских премий, лакировочных романов-близнецов, судов чести, которые в историю вошли как суды бесчестья, когда бездарность была синонимом благонадежности, бессилие крушило силу, и вперед вырывались самые низменные, самые бесчестные, самые коварные, на престол поднимались мхи, и зима царила в стране моей.

...Жизнь проходила от собрания к собранию, от кампании к кампании, и каждая последующая была тотальнее, всеобъемлющее, беспощаднее и нелепее, чем все предыдущие, вместе взятые. И все время нагнетали атмосферу виновности, всеобщей и каждого в отдельности виноватости, которую ничем никогда не искупить. Надо все время чувствовать себя виноватым, и виноватым, и виноватым и покорно принимать все наказания, все проработки, все приговоры.

...Никто не знает, зачем это, все втянуты в эту атмосферу, задыхаются в ее ужасной предгрозовой духоте и думают, что так надо, и всегда есть несколько быстро и ловко акклиматизировавшихся, быстрее всех вырвавшихся вперед и наверх, которым это именно и надо, и выгодно, и они уже научились извлекать из этого пользу, первыми откликаться, первыми кричать «Позор!» — и они уже барабанщики, горнисты, пенкосниматели. Завтра или послезавтра, при очередной кампании, при новом пожаре, вздергивать будут их, но они еще этого не знают, и не хотят знать, и не предчувствуют, и не думают, и не хотят об этом думать, и сегодня изо всех сил стараются потуже, поаккуратнее, попринципиальнее затянуть петлю на других.

...Разорялись и предавались анафеме целые научные школы, изымались навеки из библиотек и по списку сжигались книги и научные трактаты за целые столетия, рукописи исчезали в архивах, сжигались по актам, и никто и никогда их уже не мог найти. Научные споры начинались в академических аудиториях, с холуями и приживалами, продолжались со следователем, а заканчивались с вертухаями в лагерях».

«ЗА ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КАДРЫ»

Орган партбюро, комитета ВЛКСМ, месткома, профкома и дирекции Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина

26 февраля 1949 года, № 7.

Страница 2.

21 февраля состоялось расширенное заседание Ученого совета факультета русского языка и литературы с участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов факультета, посвященное обсуждению статей в газетах «Правда» и «Культура и жизнь» об антипатриотической группе театральных критиков. С докладом выступил заведующий кафедрой всеобщей литературы тов. А. А. Исбах.

— За годы, прошедшие со времени Великой Отечественной войны,— говорит докладчик,— советские писатели-прозаики, драматурги, поэты создали немало произведений, проникнутых высокой идейностью, глубокими чувствами советского патриотизма, отличающихся большой художественной зрелостью.

В своем докладе, посвященном 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, тов. В. М. Молотов сказал: «Мы имеем право гордиться успехами советского искусства и последнее время, в особенности успехами советской литературы, что является немалым достижением направляющего руководства нашей партии. Наша литература, кино и другие виды искусства все больше обогащаются такими произведениями, которые в своих образах раскрывают идейный смысл событий и работы людей советской эпохи».

Среди произведений, созданных за последние три года, можно назвать такие любимые советским читателем книги, как «Белая береза» М. Бубеннова, «Счастье» П. Павленко, трилогия А. Гончара «Знаменосцы», «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского, «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Алитет уходит в горы» Т. Семушкина, повесть Г. Гулия «Весна в Сакене», новые романы К. Федина, А. Первенцева, В. Пановой, поэмы Недогонова, Н. Грибачева, Кулешова, «Друзья и враги» К. Симонова, пьесы А. Сурова «Зеленая улица», А. Софронова «Московский характер», Н. Вирта «Хлеб наш насущный», Б. Ромашова «Великая сила» и целый ряд других.

Большая роль в обобщении успехов советской литературы, советской драматургии принадлежит нашей критике. Но в нашей театральной критике, как показывают газеты «Правда» и «Культура и жизнь», до последнего времени орудовала антипатриотическая группа критиков, проповедующих глубоко враждебное отношение к тому новому, передовому, что несет с собой советская литература. Эти критики-космополиты ополчались против всех значительных произведений советской литературы последних лет. В своих буржуазно-эстетских концепциях они выступали против принципа партийности, присущего советскому искусству. Их злопыхательские нападки на советскую литературу полностью совпадали с гнусной клеветой, которой обливали наше искусство представители зарубежной реакции.

Умаление значения советской литературы безродными космополитами тесно связано с преклонением, с раболепием перед современным упадочным искусством стран капитала. Это — две стороны одной и той же медали.

Поведение критиков-космополитов является прямым предательством интересов советской литературы, советского народа. Наш народ единодушно заклеймил их предательскую, изменническую деятельность.

Группа критиков — Юзовский, Гурвич, Альтман, Варшавский, Бояджиев, Борщаговский, Малюгин и др.— свила себе буржуазно-эстетское гнездо в ВТО, на страницах журнала «Театр», газеты «Советское искусство», ведя единым фронтом борьбу против лучших произведений советской литературы. Эта борьба велась врагами советской литературы уже давно. Они выступали против таких выдающихся произведений советской литературы, как «Чапаев» Фурманова, «Как закалялась сталь» Н. Островского и др. Юзовскому принадлежат гнусные нападки на замечательные произведения великого советского писателя М. Горького, на поэму «Хорошо» В. Маяковского. Юзовский обвинял Горького в неполноценности образа Нила в пьесе «Мещане», первого замечательного образа рабочего-революционера в мировой литературе, требовал от писателя исключения из сферы творчества проповеди передовых политических идей. В последнее время этот критик с тех же позиций выступал против пьес — Чирскова «Победители», Сурова «Далеко от Сталинграда».

Другой критик, Гурвич, самым возмутительным образом издевался над образами советских героев в нашей литературе, требуя, чтобы она, советская литература, равнялась по глубоко упадочным произведениям искусства стран капитала, восхвалял глубоко враждебную нашему искусству деятельность Мейерхольда. Все эти выступления не случайны. Они представляют собой единую систему взглядов, линию поведения, направленную на дискредитацию идейного и художественного богатства самой передовой литературы мира — советской литературы.

Докладчик подробно характеризует подрывную, вредоносную деятельность таких театральных и литературных критиков, как Борщаговский, Холодов, Малюгин, Альтман, Дрейден, Березарк, Данин, Ф. Левин, Бояджиев, Субоцкий и др.

Нашей насущной задачей является самый беспощадный идейный разгром антипатриотической деятельности этих критиков, мешающих дальнейшему расцвету советской литературы, советского искусства.

Докладчик переходит к вопросам, связанным с работой факультета.

— Нет сомнения в том, что мы недостаточно помогли партии в деле разоблачения космополитических тенденций в литературной и театральной критике, в деятельности наших литературоведов. За последние годы появился ряд порочных учебников, в частности учебник по истории западноевропейской литературы под редакцией В. Жирмунского, С. Мокульского, А. Смирнова и М. Алексеева. Порочные космополитические тенденции проникли в программы, посвященные западной литературе. В этих учебниках и программах развитие мировой литературы дается совершенно изолированно от развития русской литературы, игнорируются мировое значение русской классической литературы, освободительные тенденции, которыми она всегда была богата.

Мы еще не избавились,— продолжает докладчик,— от объективизма в изложении ряда курсов, читаемых нашим студентам. В ряде лекций недостаточно партийно излагается материал. Как один из примеров можно привести лекцию доцента Е. А. Гунста о романтизме. Факты такого рода имеют место и на других кафедрах факультета. Совершенно недостаточно количество семинаров и спецкурсов, посвященных советской литературе. Мы должны перед всеми работниками кафедр поставить вопрос: что они сделали для усиления воспитательного значения читаемых ими курсов, как они борются с космополитизмом, глу-

боко враждебным духу нашего народа. В этом свете каждый из нас должен пересмотреть свои научные работы, свои учебные курсы. Эти вопросы должны быть подробно разобраны на всех кафедрах.

В заключительной части своего доклада тов. Исбах останавливается на вопросах помощи школе в борьбе за воспитание советского патриотизма на материале курса литературы.

— К нашему глубокому стыду,— говорит выступивший в прениях доцент кафедры русской литературы Е. Б. Тагер,— порочные работы Юзовского не были нами разоблачены ранее. Когда Юзовский обвиняет Горького в том, что его образ Нила испорчен вторжением публицистики, здесь наносится удар по основному, главному, что дорого нам в творчестве великого писателя.

Тов. Тагер высказывает пожелание, чтобы весь 4-й год обучения студентов на факультете отдавался изучению советской литературы, говорит о необходимости значительного расширения раздела программы, касающегося советской драматургии.

Слово предоставляется заведующему кафедрой русской литературы, профессору А. И. Ревякину.

— Статьи в газетах «Правда» и «Культура и жизнь»,— говорит профессор Ревякин,— об антипатриотической группе театральных критиков представляют собой новое проявление заботы партии о росте советского искусства. Безродные космополиты, подвизавшиеся в литературе, театре, музыке, кино и других видах искусства, старались дискредитировать советское искусство, пропагандировали искусство упадочное, защищали мысль о несамостоятельности русской литературы, преклонялись перед буржуазным западноевропейским искусством. Деятельность представителей этой космополитической антипатриотической критики нанесла большой ущерб нашему искусству.

Переходя к оценке работы кафедры русской литературы, профессор А. И. Ревякин продолжает:

— Если говорить о кафедре русской литературы, то и у нас имеются преподаватели, которые в прошлом занимали весьма определенную компаративистскую и космополитическую позицию. Мы совершили бы политическую ошибку, если бы сейчас не вспомнили об этом. В одной из своих первых работ о Тургеневе профессор Л. П. Гроссман искал истоки тургеневского творчества в эстетическом кодексе декадентствующей западноевропейской драмы, у Мюссе, Дюма и других. Тургенев в оценке Гроссмана являлся не великим русским писателем, а учеником и подражателем западноевропейской драматургии. Книга Гроссмана «Театр Тургенева» не только компаративистская, но и насквозь формалистическая. Она принесла большой вред. В 1940 году появилась работа профессора Гроссмана «Театр Сухово-Кобылина». Сухово-Кобылин был представлен здесь как ученик Скриба, который являлся ярким представителем упадка буржуазной западноевропейской драматургии конца XVIII века.

Эту же тенденцию профессор Гроссман продолжал в работе «Лермонтов и Рембрандт», опубликованной в появившихся в 1946 году «Ученых записках» нашего института. Здесь профессор Гроссман пытался доказать, что Лермонтов был воспитан не русской действительностью, а являлся учеником Рембрандта.

В своем учебнике «Русская литература первой половины XIX века», вышедшем в 1940 году, его автор профессор А. Г. Цейтлин недооценивал самобытный национальный характер творчества Радищева, Пушкина, Белинский представлен последователем западноевропейской философии. В 1945 году в книжке, посвященной Рылееву, профессор Цейтлин утверждал, что революционность наших декабристов определялась влиянием западноевропейских идей.

Профессор Ревякин указывает на то обстоятельство, что курс древней русской литературы, изданной в 1945 году, начинается с главы, посвященной переводной литературе киевского периода. Переводной литературе в этом учебнике посвящено около 100 страниц. Все это нельзя расценивать иначе как проявление антипатриотичности, космополитизма.

Под этим же углом зрения необходимо проверить работу нашего Ученого совета. Известно, что Ученый совет не проявил нужной бдительности, допустив к защите порочную диссертацию Горбунова «Драматургия Чехова на Западе». В работе Лившиц «Стиль публицистических произведений И. Эренбурга» вся вводная часть была методологически порочной, насыщенной элементами формализма и космополитизма. Эренбург восхваляется автором диссертации потому, что он якобы говорит языком библейского пророка. Проведя эту работу через Ученый совет, мы допустили грубую политическую ошибку.

На заседании Ученого совета выступили также профессора Н. В. Водовозов и А. Б. Шапиро.

Обсуждение статей «Правды» и «Культуры и жизни» будет продолжено на специальных заседаниях кафедр факультета.

Ответственный редактор Е. Я. Домбровская
Адрес редакции: Гранатный, 8.

Месяц спустя...

«ЗА ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КАДРЫ»

26 марта 1949 года, № 10

Страница 2 **ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ**

О РАБОТЕ КАФЕДРЫ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

18 марта состоялось расширенное заседание партийного бюро института, заслушавшее доклад декана факультета русского языка и литературы тов. И. И. Лаврова «О состоянии работы на кафедре всеобщей литературы».

Как в докладе, так и в выступлениях участников заседания была подвергнута резкой критике порочная практика прежнего руководства кафедрой всеобщей истории литературы в лице ее бывшего руководителя буржуазного космополита Исбаха.

С негодованием и возмущением говорили участники заседания о двурушнической работе А. Исбаха, принижавшего в своих публичных выступлениях и статьях роль советской литературы, проповедовавшего в своих беллетристических произведениях идеи буржуазного национализма и иудаизма.

Серьезной критике выступавших подверглась работа партийной организации факультета, просмотревшей космополитическую деятельность Исбаха и неудовлетворительную работу кафедры всеобщей литературы в целом. Выступавшие критиковали также члена кафедры коммуниста Домбровскую, которая не помогла партийной организации вскрыть факты, имевшие место на кафедре, проглядела их.

В решении партийного бюро отмечено: «Зав. кафедрой доцент Исбах совершенно неудовлетворительно руководил кафедрой. Его лекции, доклады и выступления проводились на низком научном и идейно-политическом уровне и содержали ряд извращений буржуазно-объек-

тивистского и космополитического характера. В работе других членов кафедры (Тураева, Балашова, Гедымин) имели место ошибки буржуазно-объективистского и формалистическо-эстетского порядка. Внимательный критический разбор беллетристических и критических работ Исбаха показывает наличие в них вредных антипатриотических, буржуазно-националистических и сионистских идей».

«Руководство факультета,— отмечается в решении,— в лице декана тов. Лаврова и секретаря партбюро тов. Сокольского не проявило должной большевистской бдительности в деле своевременного вскрытия и разоблачения космополитических ошибок в работе кафедры всеобщей литературы и ее руководителя доцента Исбаха, а также допустило грубую ошибку, поручив Исбаху доклад на Ученом совете факультета 21 февраля об антипатриотической группе театральных и литературных критиков».

Партийное бюро в своем решении предложило директору института тов. Щеголеву немедленно отстранить безродного космополита Исбаха от должности заведующего и доцента кафедры.

Партийное бюро решило освободить тов. Домбровскую от обязанностей редактора газеты «За педагогические кадры».

НУЖНА РЕШИТЕЛЬНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА

На днях состоялось расширенное заседание кафедры русской литературы, посвященное вопросам борьбы с буржуазным космополитизмом в критике и литературоведении.

В работе ряда членов кафедры русской литературы сказывались космополитические и компаративистские тенденции. Работы проф. Л. П. Гроссмана (кстати, не счевшего нужным явиться на заседание кафедры) несут на себе груз космополитических воззрений, формалистических сопоставлений, либерально-объективистских оценок, принижающих творчество величайших деятелей русской литературы (работы Гроссмана «Театр Тургенева», «Театр Сухово-Кобылина», статья «Лермонтов и Рембрандт» и др.).

Низкопоклонство перед буржуазной культурой, ошибки космополитического характера имелись и в работах профессоров А. Г. Цейтлина (например, в его учебнике по русской литературе первой половины XIX века для педвузов), С. М. Бонди (работы по Пушкину), доцента Е. Б. Тагера (работы по Горькому).

Взявший слово в прениях проф. А. Г. Цейтлин целиком согласился с критикой его работы, подверг резкому осуждению свои ошибки. Проф. Цейтлин рассказал о том, как в своих новых работах по творчеству Гончарова он преодолевает прежние ошибки.

Доцент Е. Б. Тагер подверг обстоятельной критике свои ошибочные взгляды на творчество великого советского писателя А. М. Горького, зачинателя качественно новой литературы социалистического реализма.

Выступивший в прениях проф. С. М. Бонди попытался оспаривать критические замечания докладчика, принизил достижения советского литературоведения. Его выступление свидетельствовало о том, что проф. Бонди не осознал классовой сущности космополитизма, его политического значения на современном этапе обостренной идеологической борьбы между лагерем демократии и лагерем империалистической реакции.

Выступление проф. Бонди получило самую резкую оценку со стороны выступивших профессоров Н. В. Водовозова, А. И. Ревякина, аспирантов тт. Скробовой, Пиявского и др.

Проф. Н. В. Водовозов сказал, что мы должны потребовать от проф. Бонди четкого разъяснения своих ошибок. Студент А. Калинин говорил о том, что борьба с космополитизмом всколыхнула студенчество, возмущенное вредоносной деятельностью идеологических диверсантов.

В своем заключительном слове проф. А. И. Ревякин наметил ряд конкретных мероприятий по борьбе с проявлениями буржуазного космополитизма и призвал членов кафедры с честью реализовать в своей работе указания нашей партийной печати.

Аспирант Н. Карпов, кафедра русской литературы

ПОКОНЧИТЬ С ЧУЖДЫМИ ВЛИЯНИЯМИ КОСМОПОЛИТИЗМА

Во вторник, 22 марта, состоялось расширенное заседание Ученого совета МГПИ им. Потемкина, собравшее многолюдную аудиторию. На заседании присутствовали профессора и преподаватели института, студенты и аспиранты. С докладом на тему о борьбе с проявлениями буржуазного космополитизма выступил заведующий кафедрой русской литературы проф. А. И. Ревякин.

Основную часть своего доклада проф. Ревякин посвятил резкой критике прошлой работы в стенах нашего института ныне разоблаченного безродного космополита А. Исбаха. В своих публичных выступлениях и статьях Исбах замаскированно занимался восхвалением буржуазной культуры, буржуазного искусства, клеветал на передовую советскую литературу, на прогрессивных зарубежных писателей. Докладчик подробно анализирует глубоко порочную практику руководства кафедрой всеобщей литературы, которая осуществлялась Исбахом и где Исбах с той же последовательностью проводил свои космополитические установки. Такой именно характер носило приглашение докладчиков на кафедру «со стороны» ныне разоблаченных как презренные космополиты. Исбахом был приглашен для работы на кафедре безродный космополит проф. Эйхенгольц, глубоко порочные программы которого по западной литературе безоговорочно были приняты Исбахом к руководству. Примиренчество, либерализм, беспринципные приятельские отношения вместо принципиальной критики — таков был стиль руководства Исбаха. Отсюда естественно вытекали те грубейшие ошибки буржуазного объективизма, которые вскрыты в работе ряда членов кафедры (доцентов Н. Балашова, С. Тураева и др.).

Докладчик уделил большое внимание космополитическим ошибкам, имевшим место в литературоведческих работах, в статьях и учебниках, а также в лекциях для студентов со стороны профессоров Л. П. Гроссмана, А. Г. Цейтлина, С. М. Бонди, доцента Е. Б. Тагера.

Коллектив нашего института не оказался на должной высоте, проглядев деятельность буржуазного космополита Исбаха в своих стенах. Неотложной задачей наших факультетов является подробный анализ идейного уровня своей работы под углом зрения борьбы со всеми и всяческими проявлениями буржуазной идеологии космополитизма. Общественность института требует от работников, допускавших в своей работе космополитические ошибки, недвусмысленного признания

этих ошибок, решительной перестройки всей своей работы. Этого, например, не сделал проф. Гроссман, и Ученый совет и руководство института считают невозможным дальнейшее использование проф. Гроссмана на работе в институте.

— Наш факультет,— сказал тов. Лавров,— получил суровый урок. Нами проведена теперь немалая работа. Студенческий коллектив в целом правильно реагирует на вскрытые факты, с возмущением осуждает космополитическую деятельность Исбаха, проявившуюся не только в его выступлениях, но и во всем его литературном «творчестве».

Декан факультета немецкого языка тов. А. И. Ловков привлек внимание Ученого совета к необходимости усилить бдительность на факультетах иностранных языков, где порочные тенденции космополитизма также дают себя знать. Примером этого является работа зав. кафедрой немецкого языка тов. М. Ушаевой, рекомендовавшей студентам список литературы на немецком языке, полный самых реакционных и упадочных произведений. Конспект по грамматике немецкого языка содержит в себе множество неправильных положений, противоречащих современной советской лингвистике, отличается своей схоластичностью, буржуазно-объективистским характером.

О грубых ошибках учебника по педагогике, составленного И. Огородниковым и П. Шимбиревым, говорила доцент кафедры педагогики Т. П. Клементьева. Останавливаясь на хрестоматии, составленной для факультетов французского языка, тов. Клементьева отметила порочный принцип, положенный составителями в основу подбора литературных отрывков, в большинстве своем пропагандирующих чуждую нам буржуазную идеологию и аморализм.

В своем выступлении декан исторического факультета проф. А. А. Фортунатов академически спокойно говорил о либерализме, склонности к сглаживанию «острых углов» в практике руководства факультетом. Именно здесь, на историческом факультете, протекала деятельность доцента Н. Балашова, буржуазно-эстетские ошибки которого были вскрыты печатью. Примиренчески относилось руководство факультета к систематическим ошибкам, имевшим место в деятельности бывшего зав. кафедрой истории нового времени проф. Н. Н. Кравченко.

Выступивший на заседании Ученого совета проф. С. М. Бонди заявил о своем намерении подвергнуть критике собственные ошибки. Однако, приводя примеры своих ошибочных высказываний, проф. Бонди усиленно подчеркивал, что в его субъективные намерения не входила пропаганда космополитических взглядов. Половинчатые, робкие признания вместо решительной критики своих заблуждений и коренной методологической перестройки со стороны проф. С. М. Бонди не могли удовлетворить аудиторию.

Зав. кафедрой истории СССР проф. П. И. Кабанов подверг критике работы проф. В. Н. Бочкарева, лекции доцента Ц. Г. Ароновича, в которых имели место проявления низкопоклонства перед западной культурой.

В прениях выступили также доцент А. Ф. Шишкин, проф. Н. В. Водовозов и др.

Прошедшее заседание Ученого совета свидетельствует о том, что коллектив института в целом правильно оценил сигналы печати и вплотную приступил к критическому пересмотру своей учебно-воспитательной работы. Следует, однако, сказать, что далеко не все руководители факультетов и кафедр поняли необходимость предельно острой критики недочетов своего руководства (тт. Фортунатов, Ловков, Кабанов и др.).

Большую работу необходимо проделать коллективу исторического факультета. Общественность института вправе ожидать самокритичных выступлений представителей художественно-графического факультета с рассказом о том, как искусствоведы факультета борются против идеологии буржуазного космополитизма, проявившей себя и на участке изобразительных искусств, выступлений представителей физико-математического факультета, кафедры педагогики и др.

Работа Ученого совета будет продолжена на заседании в субботу, 26 марта.

Редколлегия

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

СТАЛИНИЗМ ИЛИ СТАЛИНЩИНА!

Эти два термина в настоящее время соседствуют в средствах массовой информации. Какой же из них точнее?

«Изм» — таково окончание многих слов, обозначающих общественно-политический строй (феодализм, капитализм), течения (гитлеризм, фашизм), явления в области культуры (реализм, классицизм, импрессионизм), науки (дарвинизм) и т. д. Термин этот, можно сказать, строго научный, «интеллигентный». Вошел сюда и сталинизм, определяющий длительный исторический период безраздельного господства на посту генсека (в обход завета Ленина!) кровавого деспота и его неслыханных репрессий. Только в моей семье погибло семь человек, а, как промелькнуло сообщение о приблизительном подсчете этих жертв, их было 20 миллионов, «врагов народа» с женами, родителями, детьми. И Великая Отечественная война унесла тоже 20 миллионов!

Сталинщина... В русской истории известны мрачные эпохи, отмеченные особыми страданиями бесправного народа. Это бироновщина, когда роковое обращение к человеку «Слово и дело» вело его на верную смерть через пытки. Мы помним и пугачевщину. Не стоит сейчас определять значение этой крестьянской войны для нашего государства. Погибали тысячи людей, лилась кровь. Была пугачевщина! А потом аракчеевщина и, наконец, совсем недавно ежовщина, слившаяся со сталинщиной. В это время старинная формула «Слово и дело» обрела, можно сказать, новое выражение, ставшее девизом, которое давало право палачам делать без отчета свое злодейское дело: «Мы ему (арестованному) и не будем трудиться доказывать его вину. Пусть он нам докажет, что не имел враждебных намерений» (Солженицын).

Термин «сталинизм» бесстрастен, научен, строг: он не раскрывает существа его содержания и ассоциируется с понятиями «марксизм», «ленинизм». Термин же «сталинщина» — подлинно народный, исторически сложившийся, гневный, обличительный, непримиримый. Если первый объективен и включает в себя главным образом исследование истины, «рацио», то второй, разделяя эти истины, подкупает эмоциональностью и самобытностью.

О сталинизме говорят и так: он представляет научную, всеобъемлющую систему, мировоззрение, законченность (оформленность), в то время как сталинщина — явление, форма, в которой выразилась система.

Не могу согласиться, что вопрос этот ставится в виде известной философской проблемы о форме и содержании. Сводить сталинщину только к форме нельзя. Это самостоятельная, чрезвычайно емкая система, которая, на мой взгляд, имеет право так называться.

И есть еще одно понятие, обозначаемое однокоренным словом «сталинист». Сталинисты составляли опору, опричнину «великого вождя всех времен и народов». Это были палачи, жившие в сытости и довольстве, конвейерным способом убивавшие миллионы ни в чем не повинных людей, цвет нашего государства. И до сих пор находят в центре Москвы энкавэдэвские кладбища этих жертв.

Сталинисты приводят «убедительные» доказательства заботы «отца родного» о благе людей. Первое — в магазинах было много товаров, и второе — он гений, создал в некогда отсталой стране передовую промышленность, поднял обновленное сельское хозяйство. Какая, мягко говоря, наивность! Прогресс страны был результатом труда народа, освобожденного революцией. Это был труд энтузиастов 20-х годов, пока не была разгромлена Сталиным страна — ее экономика, кадры, нравственность. Правильно говорят — не было бы Сталина, не было бы и войны, остались бы живы 40 миллионов человек! Так пусть будет «сталинщина» и без «сталинистов»!

Т. ЯЗЫКОВА

Игорь Любимов

СКАЗ О СОБАЧЬИХ СТРАДАНИЯХ

Сколько в Москве кошек и собак? Этого не знает никто. Даже статистика. А вот в Нью-Йорке учет ведется. Их там 3 миллиона на 7,3 миллиона жителей в пределах городской черты. Впрочем, в Москве можно кое-что подсчитать. Например, по квитанциям об уплате ежегодного пятнадцатирублевого налога с головы. Есть данные и ветеринарных станций о количестве разовых прививок от бешенства (наиболее распространенный вид вакцин).

К учтенным голóвам и хвостам нужно бы приплюсовать собак спецназначения: милицейских, поводырей для слепых, сторожевых на складах материально-технического снабжения. Много собак и кошек неучтенных: то ли хозяевам жалко денег, то ли принципиально отказываются платить неизвестно за что. По нашим скромным подсчетам, собаками и кошками в Москве владеет каждая седьмая или восьмая семья. Значит, только собак более 150 тысяч, а с прочими и все 200 тысяч.

Бездомных животных в Москве стало мало. Их отлов налажен хорошо потому, что за него прилично платят да и шкурка на шапку или воротник обеспечена. Отлавливают все ничейное, включая одомашненных голубей. Сам видел, как около церкви, где голубей прикармливают, появились вдруг на частной машине четыре здоровых мужика. Заученными приемами затарили в сетку птиц. Спросил зачем, а главное — кто разрешил. Показали бумагу на бланке учреждения, ведающего наглядными пособиями, что на Доброслободской улице. Оказывается, для изготовления наглядных пособий, чучел. Когда поинтересовался, согласовано ли с Московским обществом защиты животных, мужики вдруг застеснялись и спешно ретировались, увозя голубей. Оказывается, без разрешения природоохранительных органов отлов животных и птиц запрещен. Так что остерегайтесь подделки, требуйте от ловцов природоохранных бумаг. А если хозяин зазевался и любимого пса все же отловили, придется пройти цепь унижений, чтобы вызволить его. Без мзды возвращение, конечно, не обойдется.

В США или европейской стране нет проблем содержания домашних животных. Там собачья и кошачья индустрия даже поощряется. Уход за животными — это сфера досуга. Присутствие близкого живого существа действует умиротворяюще. На Западе индустрия домашних животных — бизнес.

У нас же и животные, и их владельцы испытывают страдания. Москве кошки и собаки в тягость. Владелец подвергается настоящему остракизму и осмеянию со стороны жильцов и коммунальных работников.

Весной, при сходе снега, московские дворы являют собой грустную картину. Они загажены. Вкупе с давно уже не убираемым мусором и почерневшим снегом это делает столицу похожей на гигантскую помойку. Москва, скорее всего, самый грязный город в стране, хотя и много лет слыла «образцовым». В Пскове, например, я не обнаружил ни одной кучи мусора, и в Курске центральные улицы просто-таки «вылизаны» дворниками: стыдно на асфальт бросить бумажку.

Когда проектировалось Бибирево (район, где я живу), архитектор И. Ловейко и руководимая им мастерская, вероятно, не подумали о том, что часть будущих жильцов-новоселов обязательно заведет домашних животных, а некоторые привезут их со старых квартир. И не только кошки и собаки, но и одомашненные голуби тоже имеют право на жилплощадь и территорию. Без них невозможно представить центральную площадь Амстердама или Рима. Проектная мастерская не вписала места выгула собак в интерьер дворов. Но впоследствии выяснилось, что собачьи площадки вроде бы существуют. Иначе чем оправдать уже упоминавшийся налог на собак и кошек, как не тем, что он предназначен для улучшения мест выгула домашних животных. В постановлении Моссовета от 8 сентября 1981 г. (п. 3.2), кстати последнем по «собачьему вопросу», жители обязаны выгуливать собак **только** (подчеркнуто мной.— **И. Л.**) **на специально отведенных для этих целей площадках.** Но, позвольте, где они?! Давным-давно я видел одну такую площадку во дворе академического дома на Ленинском проспекте. Очевидно, для собак высокоинтеллектуальных особ они предусматривались.

А теперь полтора налоговых червонца исчезают в неизвестном направлении. Ни один начальник РЭУ не отчитался за истраченную сумму. Поэтому понятно, что старушка, получающая от государства скромное денежное призрение, так неохотно платит неизвестно куда уплывающий налог. Но ведь тяжело вздохнув, заплатит за единственного верного друга.

Чем кормить собак в городе, где продуктовые прилавки пусты? И хозяин нередко жертвует лакомым куском мяса, чтобы побаловать любимца. Сколько мяса съедает многотысячная армия собак и кошек, тоже никто не считал. В рацион Москвы это мясо не включено. Если предположить, что малому псу требуется в день 100 граммов свежего мяса, а большому никак не меньше 300, то получится, что домашние твари съедают, по самым скромным подсчетам, 60 тонн мяса в убойном весе, а это более 20 тысяч тонн в год — целый грузовой эшелон!

Переводная с немецкого книга А. Вольфа-Тальбота «Пудель» (М., 1988) рекомендует кроме мускульного сырого мяса использовать для кормления хлебцы «Витакрафт» и хлопья фирмы «Матцингер», цыплят с нежными молодыми костями. О таких диковинных кормах в нашем отечестве и не ведают. И хлопья и хлебцы в какой-то мере заменяют витамины и мясо. Колбаса противопоказана: она медленно убивает животное, укорачивает ему жизнь. А чем кормить у нас? Конечно, в рацион собаки следует вводить овощи, фрукты, гречневые и овсяные каши. Мясо можно заменить колбасой, но с крахмальным наполнителем, от которой животное воротит нос, и что дало повод злословить: «Вот какая колбаса у нас выпускается — даже собака (кошка) не ест». Поэтому кормят четвероногих тем, что ест человек. В результате животные страдают от тех же болезней, что и люди.

Ваша собака заболела. Она отказывается принимать пищу... И вы везете ее за тридевять земель к ветеринару в «любом наземном транспорте» (в метро не пускают, а почему?). На 9-миллионный город 18 межрайонных ветеринарных станций. Наш самый большой по численности населения Кировский район обслуживается вместе с Бабушкинским. Персонала ветстанциям не хватает, оклады ветеринаров невысокие. Здесь работают только энтузиасты. Как же нужно любить животных, чтобы перерабатывать положенные часы приема! Очереди длинные, но ведь не выдворишь же посетителя с больной собакой. Вет-

лечебницы являют собой пример вопиющей антисанитарии: несвежие халаты, нестерилизованные шприцы. Вдобавок нет необходимой вакцины.

Постойте в длинной очереди и убедитесь — у большинства животных болезни органов пищеварения. И немудрено. Чуть хозяин не углядел, и собака, прогуливаясь по грязному двору, обязательно проглотит что-нибудь из отбросов. Ежемесячно каждой ветстанции выделяется до 200 доз вакцины от энтерита — порция смехотворная. Тут же объявление: кооператив предлагает противоэнтеритную прививку на дому (а вакцина из Франции). Сколько стоит? Чего только не отдашь за любимого пса!

Что же предпринять? Начать с обязательного проектирования в новых микрорайонах площадок для выгула животных, а в старых — с немедленной организации их. Площадка должна быть таким же непременным атрибутом, как детский городок или хоккейная коробка. И велосипедная дорожка нужна. Нельзя же до бесконечности сдавливать дворовые площадки гаражами и свалками мусора. Город задыхается от бесчисленного множества машин. На устройство собачьих площадок должна уйти часть пятнадцатирублевого налога.

Другую часть налога надо отдать ветеринарным станциям, чтобы лечили как следует. Увеличить их число (2—3 на район), повысить персоналу зарплату за самоотверженность. И чтобы принимали не только кошек и собак, но и рептилий, хомяков, попугаев (заболел как-то мой попугай, а ветеринар посоветовал отнести его в зоопарк). Нужны не только ветпомощь, но и консультации. Владельцы домашних животных могли бы оплачивать часть услуг, скажем, по договору, подобному тому, что заключают на абонентное обслуживание телевизоров. Ведь иные породы кошек и собак стоят от 800 до 1500 рублей. А вновь избранным районным депутатам следует подумать о введении в каждом районе столицы службы сервиса для животных. Он должен включать и пищевую индустрию (выпуск специального, научно обоснованного корма), и ветеринарное обслуживание, и консультации по уходу и содержанию домашних животных и птиц.

Пора выполнять принятое еще в 1981 году постановление Моссовета «О порядке содержания кошек и собак в г. Москве». Возможно, его надо доработать. Впрочем, Моссовет вынес много постановлений, а толку-то что!

Если бы я был кандидатом в депутаты райсовета или Моссовета, то выступил бы с платформой, с которой не выступал еще никто: программой здорового развития сферы услуг для братьев наших меньших, чтобы они имели полное право жить в городе так, как живем мы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали. 7. Хабанера. 8. Палеолит. 9. Аттракцион. 10. Инвар. 12. «Сампо». 14. Азбука. 17. Негрос. 19. Батист. 20. Клоунада. 22. Кившенко. 24. Малица. 25. Климат. 26. Феерия. 28. «Манас». 30. Фасон. 31. Торричелли. 32. Михалков. 33. «Антигона».

По вертикали. 1. Лафонтен. 2. «Анчар». 3. Притча. 4. Рапира. 5. Сеанс. 6. Живопись. 11. Акробатика. 13. Антарктика. 15. «Здоровье». 16. Кваренги. 18. Сказка. 19. Барток. 21. Вакансия. 23. Раковина. 26. Фарфор. 27. Яблоня. 29. Стиль. 30. Финик.

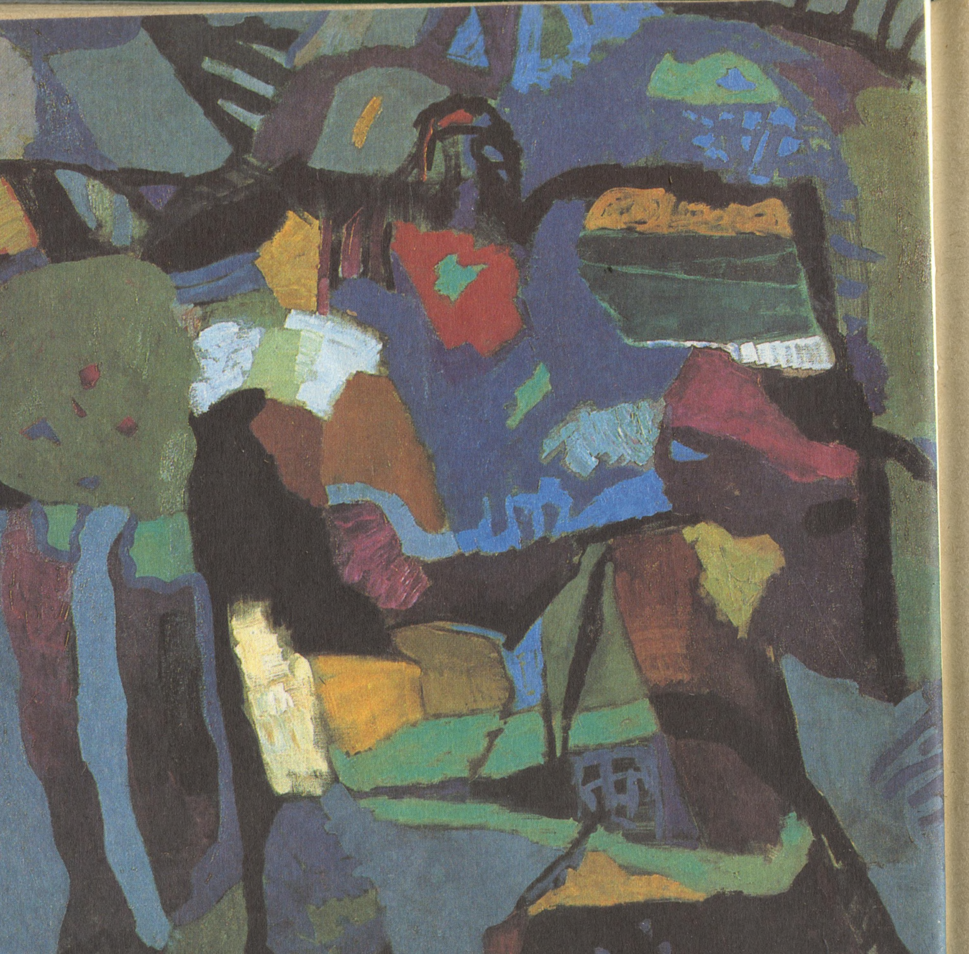

Композиция в красном. 1990

Эти работы можно отнести к экспрессивному абстракционизму, но дело не в названии художественного направления. Наташа считает, что пластический язык ее последних полотен связан не только с творческим поиском новых форм и средств художественной выразительности, но и с изменением самого духа времени: художники почувствовали внутреннее раскрепощение от догм официального советского искусства.

Наташа не любит давать названия своим работам. В основном это импровизации, нередко написанные под впечатлением любимых музыкальных произведений. Она любит возвращаться к старым работам, нередко переделывая их.

Прежде всего для нее важна в картине цветовая и тональная гармония. Но именно пластика линий создает структуру работы, ее цельность и законченность. Часто центром композиции является лицо или фигура, знак или иероглиф. От увлечения темой движения в многофигурных композициях Тестина перешла к воплощению самой идеи движения на плоскости холста. Наряду с динамикой линий и форм монументальность является отличи-

Композиция в зеленом. 1989

тельной особенностью ее работ. Наташе как бы тесно в рамках картины, и возможно, что именно настенная роспись была бы ей по плечу.

Писать о творчестве Натальи Тестиной просто и одновременно сложно.

Просто, потому что это — счастливый человек, с юности нашедший свое призвание.

Трудно, потому что за кажущейся ясностью, праздничностью ее работ ощущаешь сложность замысла, особую образную и смысловую насыщенность пространства холста.

Возможно, что именно сочетание силы духа и чистоты помыслов дает Наташе ту внутреннюю свободу, которая требует самовыражения, позволяет ей творить.

Ирина РАЧЕЕВА

Александр Глезер

ЧЕТЫРЕ ЧАСА СВОБОДЫ

Из книги «Человек с двойным дном»

Еще в конце 1969 года, когда стало ясно, что все пути для организации выставок в помещениях надолго перекрыты, Оскар Рабин предложил устроить экспозицию на открытом воздухе — в парке, на улице, на набережной.

— В Париже или Лондоне это обычная вещь,— говорил он.— Почему бы и нам не попробовать?

В общем никто из художников Оскара тогда не поддержал. Володечка Немухин будто бы за всех и ответил:

— Пишу я картины как хочу, продаю кому хочу, не трогают меня, спасибо и на том.

Но осенью 1974 года ситуация стала совсем иной. Зимне-весенняя кампания карательных органов раскрыла сокровенное их намерение расправиться с нонконформистами и выкорчевать неофициальное искусство. Художники должны были как-то защищаться, и многие из них теперь высказались за оскаровскую идею.

Правда, большинство «старой гвардии» — те, кто выбрал дорогу свободного творчества в памятном 1956 году,— ссылаясь на разные причины, вновь отвергли вариант непривычной, дикой для России, экспозиции на улице. Коля Вечтомов твердил, что его картины требуют музейной, а не площадной атмосферы. Отари Кандауров ссылался на дождливую погоду, Дима Плавинский говорил, что плохо себя чувствует, и лишь Илья Кабаков сформулировал не лицемеря:

— Твоя затея, Оскар,— для двуногих, а я на четырех лапах хожу.

Однако появившиеся в последнее пятилетие молодые живописцы Юра Жарких, Женя Рухин, Эдик Зеленин, Вадим Комар, Алик Меламид, Надя Эльская и Саша Рабин решительно стояли за открытое выступление, тем более что оно позволяло им впервые выставиться на родине. Да и среди ветеранов нашлось у Оскара немало сторонников — Мастеркова, Немухин, Ситников.

2 сентября художники направили в Моссовет письмо, в котором сообщили, что намерены в воскресенье, 15 сентября, устроить просмотр картин на одном из городских пустырей. Реакция по обыкновению медлительного бюрократического аппарата была настолько стремительной, что уже 5 сентября подписавших письмо приглашают в Моссовет. Пошли Оскар, Юра Жарких, Надя Эльская и Сашка — сын Оскара. Встретившие их чиновники, во главе с заведующим одним из бесчисленных отделов К. А. Сухиничем — безликим, неопределенного возраста мужчиной, тщетно искали хоть какую-нибудь инструкцию или постановление,

---

Александр Глезер — поэт, переводчик, искусствовед, коллекционер, один из организаторов первых в СССР выставок художников-нонконформистов. После нескольких лет преследований в 1975 году был вынужден покинуть родину.

Живет в Париже. В Нью-Йорке и Ланжероне (под Парижем) организовал два музея современного русского искусства. Директор издательства «Третья волна» (где и вышла книга, фрагмент которой печатается здесь) и редактор альманаха «Стрелец». В конце 1988 года основал Международную ассоциацию интеллигенции в поддержку перестройки и гласности, ныне имеющую свои филиалы в Нью-Йорке, Париже, Москве, Тбилиси, Уфе.

на основании которых можно было бы сорвать наш план. Но нигде не был предусмотрен вариант с выставкой на улице. Впрочем, речь шла даже не о выставке (тут еще с грехом пополам можно было сослаться на то, что все экспозиции утверждает МОСХ), а о просмотре картин на открытом воздухе. В письме мы старались отшлифовать каждое слово, но Сухинич и его коллеги все-таки отыскали зацепку, и один из них пошел на Рабина в наступление.

— Почему вы хотите показывать картины на пустыре?

— А почему не на пустыре?

— Почему же именно на пустыре?

— А почему не на пустыре? — однообразно повторял Оскар. Так и продолжался этот диалог, пока Сухинич не вмешался и, беспомощно пожав плечами, не сказал:

— Вы хоть показали бы работы в МОСХе.

— А мы не против,— неожиданно согласился Рабин.

Хоть толику ответственности Сухинич мог теперь переложить на Союз художников: «Соберутся солидные люди, известные мастера. Посмотрят. Поговорите. А потом снова загляните к нам».

Договорились нести картины в МОСХ 10 сентября, а восьмого Рабину приносят повестку из милиции на тринадцатое. Первая мысль — шантаж. Или: продержат без объяснений трое суток и сорвут все дело.

— Ничего не скажешь,— замечает Оскар,— научились работать.

В этот вечер окончательно распределяем роли. Заседаем, как водится, на рабинской кухне. Оскар, сидя в любимом углу возле окна, привычным жестом поправляет очки:

— Ты, Саша, пока вне игры. Ничего не подписываешь, никуда с нами не ходишь. Они могут подозревать все что угодно. Это их дело. Твое же — до поры до времени — не вылезать, а вот если произойдет непредвиденное, арестуют нас, изобьют, отнимут картины, тогда включайся. Согласен?

Я, разумеется, согласился, но не стоит ли заранее установить связь с одним из надежных корреспондентов, который все, или почти все, будет знать и напишет.

Оскар одобрительно кивает. А Жарких ходит по комнате, оглядывает свои полотна и мучительно вздыхает:

— «Мужчина и женщина» не пойдет. Мужчина с пипкой. Скажут — порнография. «Автопортрет» не годится из-за распятия. Скажут, религиозная пропаганда. На «Посвящении» тоже Христос. Как быть?

Когда ребята принесли холсты в МОСХ, их встретили там только секретарь парторганизации и его заместитель. Оба чиновники. Художники-мосховцы явно саботировали мероприятие: никого, видно, не прельщало выступать в роли цензора и делить ответственность с Моссоветом. Секретарь и заместитель безмолвно осмотрели работы и распрощались, не задав ни единого вопроса.

11 сентября вновь свидание с Сухиничем. Но теперь вопросы задает Рабин:

— Где же обещанные вами мастера? Мнение чиновников нас не интересует. И вообще — довольно разглагольствований! Завтра будет объявлено время и место просмотра.

Сухинич обескуражен:

— Я не могу запретить вам устраивать выставку, но не р е к о м е н д у ю! Понимаете?

Несчастный советский Акакий Акакиевич. Наверху к окончательному решению не пришли. Распоряжений не спустили, а ему терзаться.

А у нас между тем свои заботы. Нужно срочно уточнить некоторые

детали для заранее напечатанных на машинке приглашений. Под вечер последний раз отправляемся смотреть облюбованный пустырь — огромное кочковатое поле, вдали переходящее в лес.

— Подходящее место! — радуется Оскар.— Если придумают какую-нибудь пакость, начнут ремонтные работы, например,— отойдем к лесу и будем показывать картины там.

Возвратившись, от руки вписываем в билеты: где состоится просмотр. Вычеркиваем из числа участников Брусиловского, который громче всех шумел, все время с апломбом что-то предлагал и при первом раскате грома («не рекомендую») сбежал в кусты. Зато трое присоединились в последнюю минуту. Теперь время рассылать, точнее, развозить приглашения: по почте не дойдут.

«Приглашаем Вас на первый осенний просмотр картин на открытом воздухе с участием художников: О. Рабина, Е. Рухина, В. Немухина, Л. Мастерковой, Н. Эльской, Ю. Жарких, А. Рабина, Боруха Штейнберга, А. Меламида, В. Комара, В. Ситникова, В. Воробьева, И. Холина.

Просмотр картин состоится 15 сентября 1974 г. с 12 до 14 часов по адресу: конец Профсоюзной улицы до пересечения с улицей Островитянова».

Приглашение скромное, но с подтекстом. Первый просмотр... Значит, в перспективе и второй, и третий...

13-го утром Рабин в сопровождении друзей отправляется в отделение милиции. Все обходится благополучно. Лейтенант что-то невыразительно бормочет о штрафе — живут-де у вас без прописки люди. Оскар, не вступая в спор, достает из кармана деньги. Блюститель порядка принимает этот жест за страх и на глазах наглеет:

— Безобразие! Ездят всякие, толкутся в вашей квартире!

Оскар бесстрастно прячет деньги: коли так, взимайте штраф через суд.

Днем в Моссовете снова нудит Сухинич, все с тем же надоевшим:

— Почему вы выбрали пустырь?

Как выяснилось позже, наверху полагали, что столь безотрадное место подыскано со специальной, провокационной целью: взгляните, в каких условиях нас вынуждают демонстрировать картины. В действительности само начальство и толкало нонконформистов на пустырь. Появись они в парке, на улице или на набережной, тотчас последовало бы в полном соответствии с уголовным кодексом: «Нарушаете общественный порядок!» А на пустыре и люди не ходят, и машины не ездят, и никакого общественного порядка не существует. Но не станешь же все это втолковывать Сухиничу! К тому же у нас и времени в обрез: Оскар и я встречаемся с корреспондентом одной американской газеты. Рисуем ему общую обстановку, рассказываем о переговорах в Моссовете, о проблемах, которые могут возникнуть. А наутро узнаем, что нашего полку опять прибыло. Нас уже двадцать четыре. Разрабатываем план так тщательно, словно готовимся к военной операции. Моссовет Моссоветом, но что замышляет КГБ? Оскар настроен оптимистично. Так устремлен к цели, что, отбросив присущую ему осторожность, упрямо, как заклинание, повторяет:

— Не такие уж они дураки, чтобы на весь мир устраивать шум!

Но Жарких ждет самого худшего. Да и я в «их» благоразумие не очень-то верю. Главное, чтобы всех не задержали по дороге и не сорвали выставку. Поэтому (за исключением троих-четверых, которые должны добираться поодиночке) разбились на две группы.

Первая ночует у Рабина и едет к пустырю на метро — машину остановить милиции легче: не там свернули, на красный свет поехали, тысяча причин сыщется.

Вторая ночует у матери Виктора Тупицына, давнего знакомого и почитателя художников. Его дом рядом с пустырем. Кстати, можно будет с утра пойти на разведку. И если что-то не так, на ходу сориентироваться. В 10 часов звонит Жарких:

— Все нормально.

— Видите,—торжествует Оскар и тотчас добавляет: — Значит, договорились, если кого-то схватят, остальные не реагируют. Выставка должна состояться!

С картинами и зачехленными треножниками направляемся к метро. Мелкий настырный дождик. Холодно. Но настроение хорошее. Оскар срывает с придорожных кустов золотые осенние листочки и прикрепляет их к плащам спутников:

— Пусть они станут эмблемой сегодняшнего просмотра.— Если сбудется его пророчество, произойдет беспрецедентное событие — первая за пятьдесят лет советской власти свободная, без жюри выставка, да и какая — неофициального, трижды проклятого модернистского искусства.

Путь с двумя пересадками пролетает незаметно. Конечная станция «Беляево». Поднимаясь по ступенькам, замечаю группу наблюдающих за нами милиционеров. Может быть, ошибка? Мания преследования?.. Увы, нет. Двое приближаются к Рабину:

— Пройдите сюда, гражданин!

Нарушая уговор, подбегаю к Оскару, но не успеваю перемолвиться с ним и словом. Легонько подталкивая в спины, нас уводят в сторону, противоположную выходу из метро. Миновав темный коридор, оказываемся в небольшой комнате. За столом, огражденным барьером, грузно восседает милицейский чин:

— Документы!

Нарочито неспешно рассматривает. И поднимает на нас свинцовые глаза:

— Вы обвиняетесь в ограблении.

— Что за идиотизм?

— Не горячись,— перебивает Оскар.— Это какое-то недоразумение.

Проходит десять, пятнадцать, двадцать минут... До начала выставки остается всего лишь пять. А мы все сидим под присмотром милиционера и невысокого, щуплого человека в модном светлом плаще. У Оскара иссякает терпение:

— Мы — художники. Идем показывать друзьям картины. Устроенный вами спектакль понятен.

Молчит. И тут Оскара словно ударил ток.

— Держите силой! Пошли, Саша!

Направляемся к выходу, но с неожиданным для его грузной фигуры проворством милиционер рванулся из-за стола и схватил Оскара за плечи. На меня, умудрившегося достичь коридора, наваливается «товарищ в плаще». Рабин остановился, понимая, сколь опасно сопротивляться представителю власти. Но «товарищ в плаще» неизвестно кто. Впрочем, напрасно пытаюсь вырваться, у штатского выучка милицейская. Умело выкручивает руки, разворачивает меня спиной к себе. В ответ изо всей силы ударяю его каблуком по голени. Орет: «Сесть захотел?!» — и сует мне под нос удостоверение лейтенанта милиции. Ровно в 12 в комнате появляется некий, высокий уже чин и вежливо заявляет:

— Извините, произошла ошибка. Грабители пойманы. Вы свободны.

Выскакиваем на улицу. От метро до пустыря метров двести.

— Трепят нервы, а там все в порядке.

Мимо нас проезжает и заворачивает к стоянке машина наших американских друзей Пегги и Дэвида Наллов. Пегги приветливо машет рукой.

Мы же прибавляем шаг. Почти бежим. Опаздываем на семь минут. Все, что происходило до нашего прихода, описано в дневнике жены:

«...Еще издали мы увидели на пустыре бульдозеры, грузовики и машины с зелеными насаждениями. Какие-то люди в штатском преградили дорогу:

— Граждане, здесь разбивается парк культуры. Расходитесь! Просмотр не состоится!

— Прочь! — раздается мощный голос.— Не даете рабочим зарабатывать на хлеб.

Какая-то толстуха лихорадочно разворачивает транспарант: «Все на ленинский субботник!»

Художники стараются показать картины, однако «рабочие» вошли во вкус: у Юрочки вырвали холст и швырнули в самосвал с землей, исполненную на фанере работу Меламида и Комара переламывают пополам.

— Что вы творите? — ужаснулся кто-то.

— Они от этого только лучше станут,— последовал ответ.— Они другого и не стоят!

— Вы не смеете! Мы никому не мешаем.

— Сейчас вы всем мешаете! — хладнокровно заявляет милиционер, спокойно взирая на происходящее.

Немухин тоскливо посматривает по сторонам. Его картина до сих пор завернута в бумагу. Он колеблется. Я срываю бумагу. Приближается дружинник с красной повязкой:

— Вы зачем тут сорите? Подберите! По-хорошему говорю, подберите...

Толпа прибывала. Лил дождь, и пустырь расцветился яркими плащами и зонтами. Слава Богу, наконец-то бегут Оскар с Сашкой!..»

Мы с Оскаром ринулись в толпу, забыв о наших благих намерениях не давать волю нервам, и, будто отснятые крупным планом кинокадры, плывут предо мною сюрреалистические озвученные сцены.

...Бульдозеры надвигаются на художников. Один из них приближается к Рабину, тяжелыми гусеницами подминает под себя картину, а сам Оскар повисает на верхнем ноже и подгибает ноги, чтобы нижним их не отрезало. Милиционеры снимают его оттуда и заталкивают вместе с подоспевшим на помощь отцу Сашкой в синюю милицейскую «Волгу».

...Эльская влезает на огромную ржавую канализационную трубу, лежащую вдоль обочины, и поднимает картину над головой. Мгновение, и полотно летит в грязь, а Наденьке крутят руки. Она отбивается:

— Мы все равно не уйдем! Показ рассчитан на два часа, и два часа мы будем здесь находиться!

...На Жарких накидываются трое. Пытаются повалить его на землю. Какой-то верзила тоном обиженной барышни восклицает:

— Он ругался матом!

Врет. Матом Юра никогда не ругается.

...Двухметрового Рухина волокут четверо. Щегольской пиджак и брюки разорваны, заляпаны мокрой глиной.

...Широко раскрыты испуганные глаза Катюши, семилетней дочки нашего друга врача Векслера. Не все она, конечно, понимает, но что-то сохранится в ее памяти навсегда.

...— Убирайтесь! — орет атлетического сложения детина, обращаясь к канадскому корреспонденту Дэвиду Леви. Щуплый Дэвид возражает:

— Я на службе. Когда советские журналисты выполняют свою работу в Канаде, их никто не трогает. Многим из них я даже помогал.

Атлет поспокойнее:

— Ладно, ладно. Выключайте магнитофон и перестаньте фотографировать.

Кристоферу Рэнну из «Нью-Йорк таймс» его же аппаратом выбили зуб. Вдобавок двое заломили ему руки, а третий бил в живот.

Майклу Парксу из «Балтимор сан» кулаком съездили по лицу.

Линн Олсон из «Ассошиэйтед пресс» силой затолкали в ее собственную машину.

Щедро, налево и направо, раздавали «трудящиеся» зуботычины иностранным дипломатам.

Я продираюсь к стоящему на желтом бугре главнокомандующему операцией «умиротворения». Зарубежным корреспондентам он лаконично отрекомендовался «Иваном Ивановичем». (Позже мы узнали, что это был зампред исполкома Ленинского района Петин.)

— Прекратите побоище! Остановите этих хулиганов!

Не удостаивает ответом.

— Ведь тут же иностранцы!

В маленьких глазках Петина вспыхивает ярость:

— Мало мы их били! Нечего совать нос в наши дела!

А бульдозеры, точно танки, ползут на зрителей. Охотятся за нами. Преследуют по пятам. Те отступают. Расступаются. Но не расходятся. Однако у Петина есть еще резервы. К полю боя подтягиваются поливальные машины. Обдавая толпу обжигающими, ледяными струями, они стремятся очистить пустырь и прилегающие к нему улицы. Люди разбегаются по сторонам, прячутся за автомобилями с дипломатическими номерами, карабкаются, как муравьи, по травяному пятиметровому откосу и бегут, бегут вниз по Профсоюзной.

Ненависть захлестывает меня: «Фашисты!»

На меня медленно надвигается бульдозер. Стою недвижно. Бульдозерист высовывает из оконца лохматую голову:

— Отойди, задавлю!

— Дави!

Рядом вспыхивает костер, в который «торжествующие победители» швыряют картины. Первой погибает «Композиция» Рухина. В огне вспыхивают и гаснут кленовые листья оскаровского «Листопада». С портрета кисти Жарких протягивает тонкие руки, словно моля о пощаде, черноволосая Кристина.

Из оцепенения меня выводит глухой голос Юры:

— Сашенька, послушай, нужно выручать ребят!

Ему пришлось повторить дважды, чтобы я услышал его. Юра прав. Пора действовать, и он торопит: «Скорее! Скорее!»

Только теперь мы видим, что Пегги и Дэвид не уехали, а ждут нас. Непременно хотят подвезти до Преображенки. Лишь дома малопомалу успокаиваемся, нужно разобраться в ситуации, найти выход.

Прямо на пустыре арестованы Рухин, Оскар и Сашка. Бесстрашную Надю Эльскую постеснялись брать при всех. И лишь когда она углубилась в тихую улочку, набросились по-воровски, исподтишка.

Мы решили во что бы то ни стало установить с ними связь и выяснить, что им грозит. Во-вторых, послать открытое письмо в Политбюро и передать его иностранным корреспондентам. Лучше всего устроить пресс-конференцию и зачитать его там. За письмо садимся, не откладывая. К вечеру на квартиру Оскара подтягиваются «уцелевшие бойцы». Кто-то острит: «Родина не могла бы преподнести более дорогого подарка своим любимым сыновьям».

Власти и впрямь сделали все, чтобы привлечь к нам внимание мира. Радиостанции сообщают о московском побоище, как о новости номер один. Свежая мысль: давить картины бульдозерами. Кажется, ничем нынче мир не удивишь. А наши взяли да удивили.

Письмо в Политбюро все подписывают без колебаний. Относительно пресс-конференции разногласий нет. Журналистов приглашаю к себе на завтра к

двенадцати. Все делается открыто. Гебисты должны знать, что мы готовы драться до последнего. Выясняется, что Тупицына в машине избивали ногами. Почти без сознания втащили в камеру предварительного заключения и бросили на пол. Правда, его и других зрителей — их оказалось свыше двадцати — отпускают, оштрафовав за нарушение общественного порядка. Художников и Сычева в 11 утра собираются судить. Оскара обещают посадить на год за злостное хулиганство и сопротивление властям. Все пятеро в знак протеста объявляют голодовку. Пикантная подробность: когда задержанных привезли в отделение, то на стене висел приказ, в котором поименно указывалось, кому из сотрудников надлежало явиться на пустырь в штатской одежде. Не оставалось сомнений, кто были на самом деле разгневанные рабочие.

16 сентября на заре дом окружают гебисты. Их машины дежурят во дворе. Одна стоит прямо под окнами, и из нее, не таясь, фотографируют всех входящих в подъезд. К 11 часам собираются художники. Среди них, кстати, и Герой Советского Союза член МОСХа Алексей Тяпушкин. Он пришел на просмотр как зритель, но, возмутившись увиденным, решил поддержать нонконформистов. Подоспел и Тупицын, побледневший, осунувшийся и только ночью отпущенный из милиции. Все нервничают. Неизвестно, что задумано теми, кто за окном. В 11.40 стук в дверь. Для журналистов рановато.

Входит паренек, который дежурил у телефона в квартире Оскара. Звонит «знаменитый» Виктор Луи, срочно желающий со мной говорить.

О чем с ним говорить? Отказываюсь наотрез. Но Немухин неожиданно заявляет:

— Я пойду. Не по своей же инициативе он звонит.

Видим через окно, как Володечка, держа в зубах папиросу, с независимым видом проследовал мимо зловещих машин. Пропустят обратно или нет? Должны пропустить — в противном случае звонок Луи бессмыслен. Возвращается почти сразу же: Луи предупредил, что пресс-конференция скорее всего не состоится по физическим причинам. «Физические причины»... Что это за штука? Журналистов ли к нам не допустят или нас упекут? Ни того, ни другого не случилось. Луи просто шантажировал. В 12 один за другим появляются корреспонденты, их уже более тридцати. Жарких читает наше письмо. Другие рассказывают о бульдозерной эпопее, Тупицын о том, как его истязали. Я говорю о варварской охоте на людей и искусство. Бульдозеры и самосвалы — против картин. Мы требуем наказать виновников погрома и освободить художников. Но на пресс-конференции выясняется, что единственным виновником бульдозерного безумия официально объявлен завотделом культуры Московского горкома партии Ягодкин. Будто бы самочинно, ни с кем не проконсультировавшись, он распорядился: «Давить бульдозерами!» Мне однажды довелось его видеть в Доме литераторов. Смуглый, черноволосый, с мясистым, низким лбом, он выступал перед писателями, он говорил круглыми стереотипно-газетными фразами. Неужто он способен на свой страх и риск выдать такую импровизацию? Но интересно было, что начальство отдавало своих на растерзание иностранцам.

Когда журналисты расходились, гебисты принялись их фотографировать. Обычно представители западной прессы не очень-то уютно чувствуют себя в таком окружении, но в этот день, может быть, оттого, что пострадали накануне (американское посольство даже направило в Министерство иностранных дел СССР протест против грубого обращения с американскими корреспондентами), они ощущали себя героями. Газетчики из Германии, из Франции, англичане, американцы, шведы, итальянцы, норвежцы — целый интернационал! — крепко взявшись за руки, образовали полукруг и, пританцовывая, двинулись на «фотографов». Какой-то молоденький корреспондент вылетел вперед и «вприсядку» прошелся перед гебистами.

Едва квартира опустела, вбежал взъерошенный, запыхавшийся Рухин и стукнул кулаком по столу: опоздал! От него и Рабина потребовали штраф — от каждого по двадцать рублей. Оба отказались платить, и обоих отпустили. При этом Оскар еще и разыграл сценку. Со скучающим видом выслушал гневные тирады в свой адрес и сказал:

— Мне в туалет по маленькому сходить бы...

В другое время ему бы влепили дополнительно за оскорбление суда, но на этот раз все обернулось по-другому: власти оказались в позиции обороняющихся. Так славно, казалось бы, могли расправиться с кучкой модернистов, и на тебе — какая свистопляска.

«Бульдозер заливает грязью московскую живопись» («Таймс». 16.9. 74). «Похоже, что могущественный Кремль боится искусства» («Крисчен сайенс монитор». 17.9. 74). «В Москве свирепствует полиция» («Ля Стампа». 15.9. 74). «Художники схвачены с помощью полицейских приемов» («Зюддейче цайтунг». 15.9. 74). «Нью-Йорк таймс» писала: «Советский Союз не скоро оправится от последствий спектакля, свидетелем которого была международная аудитория, спектакля, устроенного

молодыми коммунистическими головорезами, очевидно, по приказу... Это был черный день для смелых умов в СССР... Еще чернее был этот день для тех сторонних наблюдателей, которые верили, что прекращение холодной войны и начало разрядки сопровождаются оттепелью в самой России».

Да, боком вышли кое-кому наверху бульдозеры. А ведь это только начало! И уже не велено судье свирепствовать, и на штрафе не стали настаивать.

Правда, на Оскара события подействовали: и утерянные иллюзии, и погибшие картины, и драматические минуты, когда он висел на бульдозерном ноже, и оставшийся под стражей, продолжающий голодовку сын. Нервы его были напряжены до предела, и тем не менее Оскар держался. Первое, что он мне сказал, возвратившись домой из суда:

— Посылаем открытое письмо Советскому правительству.

— Мы уже послали в Политбюро.

— Пусть Политбюро командует коммунистами, а мы должны писать правительству и, главное,— заговорщически наклонился он ко мне,— в камере меня осенило: мы заявим в своем письме, что через две недели снова выйдем на тот же пустырь с картинами.

Идея отличная, как говаривал Владимир Ильич, архигениальная. Я уже заранее жалел потеющих тугодумов самых высоких рангов. Как им быть, когда получат они наше письмо, новую бомбу? Придут в ярость? Но что дальше? Вновь расправляться с нами? Не выйдет ли дороже?

В «Обращении к Советскому правительству», которое я тут же сел писать, пересказав «бульдозерную историю», в заключение говорилось следующее: «Мы также извещаем вас, что через две недели, в воскресенье 29 сентября, осуществим сорванный злонамеренными людьми просмотр наших картин на открытом воздухе в том же самом месте. В связи с этим мы просим вас указать милиции и другим органам охраны порядка на необходимость не способствовать вандализму и хулиганству, а защищать от него. В данном случае — зрителей, художников и произведения искусства».

Юра отправляет обращение, а я звоню журналистам. Информация тотчас же передается по телетайпам, чтобы на следующий день прозвучать по всем западным радиостанциям и появиться в газетах. И в это же время за границу передается сообщение ТАСС — официальная версия того, что случилось, предназначенная только для Запада. В ней наша выставка именуется «дешевой провокацией» и объявляется, что «ее вдохновители попросту стремились вызвать антисоветскую сенсацию».

7-го утром ко мне домой является нежданный визитер с Лубянки, мой старый знакомый лейтенант Сергей Леонидович Ильин. Два года его не видел, но он мало изменился — такое же упитанное лицо, тот же полуинтеллигентный говор, та же вызывающая на откровенность улыбка. Ах, с каким жаром убеждает меня он, что КГБ и понятия не имело о выставке 15 сентября, ни о планах ее разгрома.

— Честное слово! — горячится он.— Не могут наши люди избивать иностранных журналистов и дипломатов, не выпускать из машин послов, уничтожать картины. Это все милиция! Мы приехали к концу событий и не успели вмешаться. Вы мне верите?!

Что ж, раз товарищ Ильин предлагает игру, придется ее принять. Не спорю, не соглашаюсь, а вроде бы принимаю им сказанное к сведению. И тут он меня удивляет:

— Александр Давыдович,— говорит,— вы ведь друг Рабина. Не согласится ли Оскар Яковлевич поговорить с Вячеславом Михайловичем? (Это начальник Ильина.)

— У вас же есть телефон Рабина. Позвоните и спросите у него об этом сами.

— Неудобно как-то (о, умилительная застенчивость Лубянки!). Лучше вы у него спросите. Вячеслав Михайлович к нему заедет вечерком, если можно.

— Ничего не обещаю. Позвоните через два часа на квартиру Рабина. Я буду у телефона.

Уехал Сергей Леонидович, даже не попрекнув меня пресс-конференцией. Словно так и полагается отныне советским гражданам — защищаться с помощью зарубежной прессы. Отправляюсь к Оскару. Соглашается он без особой охоты:

— Приму его. Нужно выяснить, что у них на уме. Но никаких компромиссов! Выставка состоится.

Вечером прибывает раздавшийся вширь и посолидневший (видимо, в гору пошел) Вячеслав Михайлович. Сидим втроем в маленькой комнатке. Точнее, двое сидят, а Оскар полулежит на диване в голубенькой майке и разговаривает с трудом, через силу. Гость — полная противоположность. От него веет солдатской мощью. Он благодушно вторит своему подчиненному: КГБ ни при чем. К тому же виновные — начальник районного отделения милиции и первый секретарь Черемушкинского райкома партии — уже наказаны (первый отделался выговором, а второго отправили в почетную ссылку послом во Вьетнам). Вячеслав Михайлович ждет нашей реакции. Мы отмалчиваемся. И он продолжает, будто не замечая нашей сдержанности:

— Нам нужно понять, чего вы добиваетесь.

Оскар:

— В письме к Советскому правительству сказано: выставки.

— Не скандала? (Все-таки не удержался!)

— Скандал устроили не мы.

Вячеслав Михайлович выпрямляется:

— Если речь идет только о выставке...

Оскар перебивает:

— Почему вы нас заранее в чем-то подозреваете?

— Нет, Оскар Яковлевич,— торопится собеседник,— я неправильно выразился. Никто вас не подозревает. А выставка вещь возможная. Только не рассказывайте никому, что именно я вам об этом сказал.

— Смотря как развернутся события...

— Но постарайтесь! — упрашивает гебист. И прощается.

В соседней комнате ребята: всем интересно, с чем он явился.

— Зашевелились! — говорит кто-то.— Может, на площади Дзержинского организуем выставку? И ее участников оттуда — прямо на Лубянку — благо рядом.

Да, кажется, невероятное становится реальным и для оптимизма более чем достаточно оснований. Кто бы осмелился еще два дня назад предсказать, что стрелка компаса повернется на сто восемьдесят градусов, что к нам, взбунтовавшимся и вчера еще бесправным, полновластные хозяева страны сегодня будут вынуждены направлять своих представителей?

И вместе с тем чувствуем: победу праздновать рановато. Сейчас мы на гребне волны. Во всем мире о нас пишут на первых полосах газеты. Немецкие телевизионщики отсняли фильм.

Оскар в своем интервью заявил:

— Пока мой сын сидит, я ни на какие переговоры не пойду!

18-го Сашку и Сычева выпустили. То ли слова Оскара оказали столь магическое действие или просто случайное совпадение. И следом звонок Сухинича. 20-го ждет нас первый заместитель председателя Моссовета В. Сычев, тезка и однофамилец фотографа. И как бы в предупреждение нам в этот же день открывает огонь «Советская культура». Правда, не статью опубликовали, а письмо в редакцию от негодующих трудящихся:

«Уважаемый товарищ редактор!

Известно ли вам, что произошло у нас в Черемушках 15-го сентября?

С утра мы, здешние жители и работники расположенных неподалеку предприятий, охотно вышли в этот день на заранее запланированный массовый воскресник по осеннему благоустройству и озеленению. Каково же было наше недоумение, а затем и возмущение, когда примерно в полдень на пересечении улиц Профсоюзной и Островитянова вдруг одна за другой стали останавливаться машины, из которых какие-то развязные, неряшливо одетые люди начали вытаскивать весьма странные цвет-

ные полотна в рамках и без рамок с намерением здесь же, под открытым небом, и как раз там, где в этот час работали люди, устроить показ своих живописных произведений. С их прибытием трудовой ритм воскресника был нарушен. На спокойном перекрестке началась толчея, шум и гам; непрошеные гости вели себя вызывающе, вырывали у работающих людей лопаты и грабли, толкали их, стремясь оттеснить от газонов, сорвали плакат, призывающий к участию в воскреснике, мешали движению транспорта, ругались и сквернословили.

Любопытно, однако, что вместе с «художниками» и даже несколько раньше сюда приехали иностранцы. Приехали в машинах с номерами посольств ряда капиталистических стран. Кстати, часть картин и была доставлена в посольских машинах. Среди иностранцев, как потом выяснилось, было немало корреспондентов зарубежной прессы, которые, как стало ясно всем, прибыли сюда отнюдь не для освещения «художественного события». Они демонстративно фотографировали весь этот шабаш и активно в него вмешивались. Корреспондент норвежской газеты «Афтенпостен» Удгорд Нильс Мортен позволил себе даже ударить по лицу дружинника, пытавшегося его усовестить. Были и другие подобные случаи.

Непристойная вылазка группы художников-формалистов принимала, таким образом, характер преднамеренной политической провокации.

По требованию участников воскресника вмешались дружинники, а по их просьбе и милиция. Некоторые организаторы вели себя особенно непристойно, были доставлены в отделение милиции с целью установления их личностей. Ими оказались назвавшие себя «свободными художниками», «неконформистами» некие О. Рабин, А. Кропивницкий, В. Сычев, Н. Эльская, А. Таль, М. Славутская, В. Тупицын и другие, числом до пятнадцати. Картины, которые они привезли с собой, носили, по нашему мнению, явно антихудожественный характер и не вызывали ничего, кроме отвращения и насмешек».

Далее шли пространные рассуждения о живописцах, не являющихся членами Союза художников, промышляющих сбытом картин за рубеж, и слезная просьба жителей Черемушек оградить их от «хулиганствующих мазил». И подписи: «Участники воскресника: В. ФЕДОСЕЕВ, токарь, ударник коммунистического труда, Е. СВИСТУНОВ, радиомонтажник, ударник коммунистического труда, В. ПОЛОВИНКА, начальник Управления дорожного хозяйства и благоустройства Черемушкинского района».

Никто из художников не приезжал на пустырь на машинах, тем более иностранных. Никто ни у кого не вырывал лопаты и грабли, да их и не было. Не мог Нильс Мортен, которого я отлично знаю, ударить по лицу дружинника — воспитание не то. Вот самого его стукнули, фотоаппарат отобрали и выкрали микрофильмы, не имеющие отношения к выставке. И откуда токари и монтажники выкопали в своем словаре мудреное словечко «неконформисты» (никогда художники себя так не именовали).

В Моссовет отправились компанией: Оскар, я, Сашка, Алексей Тяпушкин, приколовший по нашей просьбе Золотую Звезду Героя СССР, Эльская, Жарких, Меламид и Комар. В просторном кабинете нас принимает «сам» Сычев. Знакомит с присутствующими: первым заместителем начальника Управления культуры Моссовета Михаилом Шкодиным, дородным мужчиной с благообразной седой шевелюрой, и невысокой широколицей женщиной Прасковьей Шлыковой, заместительницей того же начальника (сложная у них иерархия!). Здесь же Сухинич и нахохлившийся, готовый в любую минуту перейти в наступление Петин.

Сразу же начинается бой по поводу выступления «Советской культуры». Петин изо всех сил тщится доказать — правильно все написано. Сорвали художники воскресник! А их и пальцем никто не тронул. И бульдозеров не было, и самосвалов. Кто-то из нас не выдерживает:

— И на костре картины не сжигали? И бульдозерами не давили? И иностранных корреспондентов не избивали? И вся мировая пресса врет?

— Вы же советские люди! — хмурится Сычев.— При чем тут мировая пресса и зарубежные журналисты? Забудьте о них! — «По-отцовски» журит он и нас и Петина. Мы же свои люди, как-нибудь разберемся. И снова к нам обращается:

— Просмотр этот вы все-таки напрасно устроили. Одни неприятности из-за него!

В разговор включается Тяпушкин:

— Сто двадцать пятая статья Конституции. Свобода слова, собраний, демонстраций...

Сычев сдвинул брови:

— Не стоит вспоминать. Поговорим о выставке. Зачем вам пустырь? Ради нового шума? Неужели нельзя найти место поэстетичней? Переговоры с вами поручено вести товарищу Шкодину. Приступайте, не откладывая.

Мы поняли, что наверху больше всего страшатся, что опять пойдем на пустырь. Срочно засадили его саженцами.

Вечером слушаем новости по «Немецкой волне», Би-би-си и «Голосу Америки». Против бульдозеров, милиции и КГБ наше единственное действенное оружие — гласность. А за «гласность» отвечаю я...

В субботу 21-го около двенадцати иду от Оскара. Открываю двери подъезда. Поднимаюсь по ступенькам. Словно в детективном фильме, вырастают два подтянутых, одинаково одетых человека. Приблизились вплотную и, не повышая голоса, совершенно спокойно говорят:

— Мы тебе выколем глаза, паскуда, чтобы не увидел ты этих картин.

Растерявшись, почти машинально произношу:

— Выкалывайте.

— В следующий раз,— сказал один из них, и они удалились.

Ночью почти не спал. Еле дотянул до рассвета — и к Оскару:

— Необходимо позвонить журналистам!

— По-моему, не стоит,— говорит он.— Тебя просто провоцируют, чтобы вывести из строя.

Так и решили. И очевидно, ошиблись. Молчание мое было воспринято как трусость, и в воскресенье произошло следующее. Вновь возвращаюсь от Оскара. Время полдвенадцатого. Спать еще не хочется. Решил погулять вокруг дома, иду по узким доскам возле забора, окружавшего строящуюся поликлинику. Навстречу двое. Отхожу чуть вправо, чтобы их пропустить. И они — туда же. Я — влево, и они вслед за мною. Оборачиваюсь: — сзади, словно из-под земли,— другая мрачная пара. Сомнений не остается, но из ловушки уже не вырваться. Один из них сдавил мне челюсть, так что рот широко открылся, второй засунул в него кляп. Подтащили вчетвером к толстому дереву, вплотную к забору, привязали к стволу, избили, оплевали лицо и скрылись. Слышу голоса соседей, прогуливающих собак, но позвать на помощь не в силах. Но, видно, специально привязали меня несильно, чтобы сумел высвободиться и предстать перед окружающими.

Утром, выслушав меня, Оскар сжимает кулаки:

— Звони этому «другу» в КГБ и скажи, что даром это не пройдет!

Набираю номер:

— Вячеслав Михайлович? Предупреждаю, что будет созвана пресс-конференция!

— Но что случилось?!

Опять КГБ в неведении?!

— Никаких пресс-конференций! Сейчас же свяжемся с вашим отделением милиции. Вас будут охранять! Это, наверное, художники-реалисты, очень они злы на вас...

Я расхохотался, бросил трубку.

Через час ехать на переговоры к Шкодину. Оскар чувствует себя плохо.

— Сегодня — обойдетесь без меня.

Шкодин говорит так, будто просмотр уже разрешен:

— Где будем устраивать выставку?

Предлагаем три варианта: набережная, улица и парк. Последнее, с нашей точки зрения, предпочтительней. Помогающие Шкодину Шлыкова и Сухинич предпочитают помалкивать. Шкодин не против парка, но настаивает, чтобы экспонировали работы только москвичей:

— Вы же в Моссовет обращаетесь. При чем тут ленинградцы?

Эльская перебивает его (в ее голосе, как всегда, когда она сердится, слышны металлические нотки):

— Рухина арестовали, картины его искалечили, а теперь его в отставку?

— У Жарких картины сожгли,— говорю я.— Без ленинградцев выставка не состоится.

Сражаемся не менее получаса. Стоим на своем. Отвергаем всякие ограничения, связанные с местом жительства. Единственно, что гарантируем: антисоветчины и порнографии не будет.

— А как насчет религиозной пропаганды? — осведомляется Шлыкова.

С этим сложнее. Религиозное возрождение последних лет в России коснулось и художников. И в творчестве многих из них религиозные мотивы — совсем не случайность, а принципиальная позиция. Но ради первой официальной выставки неофициального искусства уступаем и тут.

— Хорошо,— соглашается Шкодин.— Друзей вы отстояли, насчет парка возражений нет. Но вот какой парк вы хотите?

Он едва сдерживает раздражение, кажется, будь его воля, он не парк бы нам предоставил, а по тюремной камере на каждого. Но директива есть директива. И сидит Шкодин в массивном кожаном кресле и, поглаживая седые виски, внимательно нас выслушивает. Еще дома мы с Оскаром остановились на Измайловском парке, огромном, с раздольными полянами, с удобными подъездными путями — хотите на машинах, хотите на метро, хотите на трамвае... Поэтому, не колеблясь, говорю:

— Измайловский!

Шкодину, собственно, все равно. Но зато неожиданно он настаивает на переносе выставки с 29-го на 28-е, с воскресенья на субботу.

— В воскресенье свободную площадку не найдете. Повсюду концерты, народные гулянья, спортивные соревнования.

Смотрю на Тяпушкина, Немухина, Эльскую. Не спорят. Может быть, он и прав. Может, никакого подвоха и нет. Почувствовав наше недоумение, он продолжает: если принимается его предложение, то завтра с утра едем в парк подыскивать место. Отвечаю, что мы не полномочны решать за всех. Шкодин нетерпеливо барабанит пальцами по столу:

— Что вы за инициативная группа без инициативы! Такую ерунду и то решить не можете.

Но мы стоим на своем — не полномочны! И слава Богу, потому что Оскар о 28-м и слышать не хочет. Ходит по комнате злой, доводов у него нет, знает лишь одно. Если что-то выгодно Шкодину,— значит, для нас не подходит. Интуиция не подвела. Впоследствии выяснилось, что расчет у Шкодина на редкость прост. В субботу студенты учатся, преподаватели работают, так что не было бы и половины зрителей, собравшихся в воскресенье.

Для Шкодина наше упорство — гром средь ясного неба. Он накануне, верно, уже доложил начальству, и вдруг осечка. Снисходительно-барственным тоном он снова перечисляет плюсы субботы. Ему поддакивает новый «персонаж» — председатель горкома художников-графиков Москвы Владимир Ащеулов. Маленький, крепкий, с нечистым «блатным» лицом, он мучительно жаждет отличиться. Перемежает угрозы уговорами. Шкодин, ощутив безнадежность своей позиции, тяжело поднимается:

— Не хотите выставки — не надо!

Встает и Оскар:

— Мы обещали за три дня до воскресенья информировать, где будет просмотр. Срыв переговоров означает, что просмотр будет на пустыре.

Этого Шкодин боится больше всего. Поэтому тотчас распоряжается:

— Едем в парк!

В парке комедия продолжается. По очереди, то Шлыкова, вначале, потом Ащеулов и Шкодин, предлагают явно негодные для экспозиции места — то молодую рощицу, то крохотную поляну, перерезанную оврагом, то тесный дворик при парковой столовой. Рабин теряет терпение, говорит, что с него довольно.

— Оскар Яковлевич,— улыбается Шлыкова,— сначала вы от субботы отказываетесь, теперь ни одно место вас не устраивает. Вы слишком возбуждены.

— Да, конечно, я сумасшедший,— тихо отвечает Оскар.

— Да вы и сами признаете,— подхватывает Шлыкова,— что не в состоянии разумно рассуждать.

Оскар возражать не стал. Махнул рукой и уехал, только успел сказать нам:

— Не поддавайтесь!

Собеседники наши перешли в наступление. Теперь они уже все говорили зло, с раздражением, каждый по-своему.

— Давайте,— предложил я,— мы сами подыщем подходящее место, а потом вам покажем. Шкодин нехотя соглашается, но не без ехидства замечает, что группа молодых художников, «жаждущих участвовать в просмотре», названивает Ащеулову. Кто, позвольте спросить, предварительно посмотрит их произведения? Кто будет нести за них ответственность? Договариваемся заняться молодыми в четверг: двое от жюри горкома, двое — от нас. Все как будто налаживалось. Но куда испарился оптимизм Оскара? Он не верит ни Шкодину, ни Ащеулову, никому из этой компании. Почти не спит, пичкает себя транквилизаторами. Ежедневно бывает у врача...

В среду утром находим в Измайлове огромное зеленое поле, Шкодин задумывается и то и дело повторяет:

— Это дело непростое! Непростое!

А позже, уже у себя в кабинете, говорит, что Измайлово — не парковая, а лесопарковая зона со своим директором, и Управлению культуры он не подчиняется.

— А Советской власти он подчиняется? — спрашиваю я.

Шкодин морщится.

— Конечно, подчиняется! Но нет его! Уехал в командировку. Я наводил справки у двух заместителей — они разбираются лишь в разведении цветов.

Потерявший самообладание Оскар устремляется к телефону:

— Агентство Рейтер? Это художник Рабин. Моссовет сорвал переговоры. Мы выходим на пустырь!

Я выхватываю у него трубку. Оскар кричит Шкодину:

— Жалею, что подавал вам руку! — Он стремглав вылетает из кабинета, мчится по лестнице. Мы с Тяпушкиным догоняем его только на первом этаже. Он прислонился к стене. По лицу текут слезы.

— Пошли, Оскар...

— Дай мне телефоны корреспондентов!

Обнимаю его:

— Позвоним позже.

Он отталкивает меня:

— Ты не друг мне, а враг...

Сверху показывается побледневшая шкодинская секретарша:

— Прекратите хулиганить!

— Твой начальник — фашистская мразь! — ору я что есть сил. Гулкое эхо под сводами старинного особняка удесятеренно разносит: мразь... мразь... мразь... На дворе бабье лето, и двери подъезда распахнуты. Прохожие с любопытством заглядывают сюда. Тяпушкин изо всех сил пытается вытащить нас на улицу. Наверное, в эту минуту он похож на санитара, который удерживает двух сумасшедших. Останавливаю такси. Машина пробирается по узкой Неглинке, выезжаем на Садовое кольцо.

Через пятнадцать минут мы у Оскара. Квартира полным-полна, и все — художники. Они-то надеялись на лучшее... Ни о чем не спрашивают. Всё прочли по нашим лицам. Устраиваюсь на диване, ставлю на колени и набираю номер за номером: Юнайтед пресс, агентство Рейтер, «Нью-Йорк таймс», «Монд», «Стампа»... Как заведенный втолковываю и корреспондентам КГБ:

— Если до 18 часов нам не дадут разрешения на просмотр картин в Измайлове, то в воскресенье идем на пустырь.

В 17.55 звонок. Шкодин...

— Я подписал приказ о выставке в Измайлове 29 сентября с 12 до 16...

— Одну минутку! — от избытка чувств запускаю в него записной книжкой.— А когда можно ознакомиться с документом?

— Неужели вы мне не доверяете?

Напоминаю Шкодину уговор: художники получают письменное разрешение на руки, чтоб исключить недоразумения. Он, разумеется, юлит. Не хочет давать бумагу за своей подписью. А если завтра в верхах передумают, наплюют на детант и прикажут вновь расправляться с модернистами? Шкодин, естественно, не против дать «документ», он — «за»! Но пока суд да дело, разрешение с его подписью попадет на Запад. Свое руководство Шкодин знает великолепно. Ссылаться на прежние, от него же поступившие указания не только глупо, но смертельно опасно. Скажут, провокация, со света сживут. Однако и этим горлопанам отказывать нельзя. Пойдут на пустырь, и опять же ему, Шкодину,— конец.

— Завтра приезжайте,— говорит он.

В четверг у входа в горком толпится с холстами человек пятьдесят. У председателя заседают угрюмые члены выставкома. Каждый хочет ускользнуть от сомнительного поручения. Ни одного живого лица. Ащеулов заискивающе обращается к нам:

— Посмотрите-ка вдвоем картины и отберите, что понравится.

Страшась ответственности, целиком доверяются нам. Делаю вид, что и для нас это тяжкий груз:

— Тогда необходим каталог. Чтобы за людей, которых раньше не видели, не отвечать.

Ащеулов попадается на удочку, он согласен, и, таким образом, хоть напечатанный не в типографии, а на машинке, но каталог будет. За час «пропустили» все работы. Абстракционистов смотрели мельком, лишь записывали названия и фамилии авторов. Даже на уровень почти не обращали внимания, главным для нас было другое. Мы добивались первой в СССР официальной экспозиции доселе запрещенного модернистского искусства. Любой художник в любой момент мог присоединиться к нам, хоть за 15 минут до просмотра.

Последнее свидание со Шкодиным. Он начинает издалека. Наверно, придут сотни зрителей. Неплохо бы установить поблизости ларьки. Пусть торгуют бутербродами и лимонадом.

— Ларьки не наша забота,— едва выдавливает высохший, почти черный Оскар — тошно ему со Шкодиным.

Тот укоризненно качает головой. Мол, до чего же невоспитан! Потом раскрывает пухлую папку с приказами. Читайте. Все вроде верно. Только где же копия для нас? Оказывается, давать ее нам Шкодин и не собирается:

— Мне не жалко, но... Приказы бывают двух типов. С этого снимать копию не положено.

— А где гарантия, что вы... не уничтожите оригинал? — впивается в него Оскар, и, как заклятие: — Мы пойдем на пустырь!

Уже дома разгорается спор. Я убежден, что Оскар не прав. Зачем нам пустырь? Разрешили выставку в Измайлове. Если замыслили провокацию, пусть устраивают ее в парке. Выходить на пустырь — давать врагам козыри. Наверняка скажут, что им не выставка нужна, а скандал. Просили Измайловский парк? Так чего ж их понесло на пустырь?

Все поддержали меня, но Оскар был неумолим:

— Вы в парк, а я один на пустырь!

Оба много ночей не спавшие, оба издерганные, мучаем друг друга. Оскар твердит:

— Я иду на пустырь!

— Ты же не понимаешь, что одного тебя мы туда не пустим. И Сашка, и Надя, и я пойдем с тобой. Нас заберут, и выставка сорвется.

— Если пойдем и ты и я, все пойдут за нами. Пойдут на пустырь.

— Но какое ты имеешь право вести людей на плаху?

На лице его злость.

— Имею право!

— Какое?

— А что сделали с Гумилевым? Убили. А что сделали с Мандельштамом? Убили.

— Ну и что?

— Ничего. Пустырь.

В соседней комнате — тишина. Немухин курит папиросу за папиросой. Тяпушкин вышагивает из угла в угол. Появляется Оскар в плаще и берете.

— Я еду к отцу Димитрию.

— Но это же восемьдесят километров!

— Сегодня вернусь,— подходит ко мне и чуть слышно говорит: — Поступай как знаешь. Я за выставку, а не скандал.

Лихорадочно думаю, как все-таки быть со шкодинским приказом. Звоню ему:

— Если придет наш фотограф, ему позволят сфотографировать приказ?

— Д-да...

— Если к вам приедут иностранные корреспонденты, вы им покажете приказ?

— Д-да...

Набираю знакомые номера и каждого из журналистов прошу звонить Шкодину. Пусть он им подтверждает разрешение...

Не знали мы, однако, что нас ждет впереди. Накануне выставки, названной нами (не без иронии) «Вторым осенним просмотром картин на открытом воздухе», зампредседателя Моссовета наш «покровитель» В. Сычев устроил пресс-конференцию для зарубежной прессы. Он упрекал журналистов в сгущении красок при описании бульдозерной истории и подчеркнул, что в Измайлове художники будут показывать работы друзьям. Пропустят лишь с пригласительными билетами. Около полуночи стало также известно, что наше поле окружили стоянками и прочими заграждениями, а комсомольский актив МГУ собирали на секретный инструктаж. Атмосфера сгущалась, и в 12 ночи Оскар срывающимся голосом зачитал корреспондентам по телефону заявление. В нем говорилось, что если вход на выставку будет лимитирован или произойдут какие-нибудь безобразия, то художники через десять минут унесут картины, но спустя две недели вновь придут с ними в Измайлово. Это был беспроигрышный ход. И вскоре мы поняли, что власти смирились с поражением. Не растягивать же до бесконечности эту неприглядную историю, принесшую им столько неприятностей. Приведу высказывания одних только американских газет (а ведь именно теперь СССР так стремится получить от США статус наибольшего благоприятствования!): «Немыслима более убедительная демонстрация реакционной сущности советского строя» («Ньюсуик». 30.9.74). «Разрядка теперь под вопросом» (там же). «Поскребите советскую систему — и увидите бандитизм, столь типичный для полицейского государства» («Балтимор сан». 17.9.74). Даже в американском конгрессе сенаторы, ссылаясь на московский инцидент, сомневаются теперь в возможности киссинджерского детанта. Нетрудно представить ощущение властей, что из-за каких-то дурацких картин сводится на нет их заигрывание с Западом. Первая мысль тривиальная: растоптать! Но ведь нельзя, никак нельзя! Приходится играть в либерализм.

Так вот и свершилось чудо. В осенний, но по-летнему залитый жарким солнцем, ниспосланный Богом день, когда сияло небо, сияла золотая листва, сиял прозрачный воздух, долгожданная выставка состоялась. Более семидесяти художников принесли в парк около двухсот пятидесяти произведений совершенно различных стилей — от фантастического реализма, религиозного символизма и сюрреализма до поп-арта и абстрактного экспрессионизма — и расставили их во всю длину широко раскинувшегося перед ними поля: кто на треножнике, кто прямо на

траве, подперев палками. Зрители — многие с детьми на плечах — шли плотной нескончаемой массой. То ли десять, то ли пятнадцать тысяч их было. Смотреть трудно. Из задних рядов часто слышалось:

— Не видно! Не видно!

И художники поднимают полотна на вытянутых руках. Временами раздаются аплодисменты, и парадокс весь состоял в том, что если бы не давили нас бульдозерами, то все, возможно, ограничилось бы двумя часами показа нескольких десятков холстов в присутствии нескольких сот зябко ежившихся под дождем человек. И теперь — поистине праздник! И не только нонконформистов. Вместо шайки головорезов — тысячи на редкость доброжелательных людей. Появившихся в толпе крикунов они усмиряют сами:

— Да это не картина, а издевательство. Не понимаю ее!

— Что вы кричите? Я ее тоже не понимаю. Но почему издевательство?

Разговор пожилой супружеской пары. Он:

— Ну, хватит, я устал. Неужели тебе это нравится?

— А тебе все не нравится?

— Кое-что нравится.

— Вот и мне кое-что нравится. А главное — свежо, искусство неказенное.

К Рабину и ко мне подходят знакомые и незнакомые. Поздравляют. Уверяют, что мы даже сами не осознаем, чего добились. По сторонам шныряют стукачи, непроницаемые лица которых резко выделяются среди окружающих. Но что сегодня за день: никто не боится! Корреспондент АПН (точнее, КГБ) не отходит от черноволосой девушки в джинсах, с фотоаппаратом:

— Что вы можете сказать о выставке?

— Очень здорово!

Он, со значением:

— Где вы учитесь? Как фамилия?

Пожалуйста, учусь там-то, фамилия такая-то.

Четыре часа свободы! Для нас они краткий миг. А для властей — вечность. Ащеулов, озабоченно:

— Александр Давыдович, не забудьте, пожалуйста, что в четыре закрытие.

Какой такт. Будто и не он вместе со Шкодиным выматывал нам душу, и не он хвастался, что «миндальничать» с Рабиным не станет — вышвырнет из горкома, и не он стучал ногами на Сережу Алферова:

— Чего это тебя на жидовскую выставку потянуло?

А милиционеры нынче какие вежливые, какие интеллигентные. Не ругаются. Не рычат (как лейтенант Авдеев 15 сентября на Рухина: «Перестрелять бы вас всех, да патронов жалко!»). Лишь за порядком наблюдают. Случайных пьяниц уговаривают отойти в сторонку. Если бы всегда так. Но нет. У нас четыре часа свободы. У них четыре часа правопорядка.

Время приближается к четырем, а зрители не убывают. Ащеулов спешит к Оскару, который в изнеможении растянулся на траве. Затем рысцой ко мне:

— Напомните художникам, что уже пора!

— Не беспокойтесь. Все, что мы обещаем, выполняется.

Четыре часа. Ребята с холстами в руках направляются к метро, а зрители еще долго не расходятся, спорят до хрипоты о современном искусстве.

Москва. 15 сентября 1974 года.

К воспоминаниям А. Глезера «Четыре часа свободы»

Бульдозерное побоище.

После бульдозеров.